

18+

Pushing the Limits

А ТЕБЕ СЛАБО?

Испытай меня, и я докажу, что мне можно доверять. *Райан*
Я больше не хочу принимать неправильные решения. *Бет*

КЭТИ МАКГЭРРИ

Love&Game

Кэти Макгэрри

А тебе слабо?

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое) 44

Макгэрри К.

А тебе слабо? / К. Макгэрри — «Издательство АСТ»,
2013 — (Love&Game)

ISBN 978-5-17-104488-6

Бет Риск всегда была той, кого называют трудным подростком: неблагополучная семья, плохая успеваемость, дурная компания. Все меняется, когда дядя Бет, в прошлом знаменитый бейсболист Скотт Риск, забирает девушку в свой дом. Новая семья, новая школа, новые знакомства, первая любовь. Но готова ли героиня к таким переменам и не помешают ли новой жизни неприглядные тайны прошлого?

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-104488-6

© Макгэрри К., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Райан	6
Бет	11
Райан	17
Бет	23
Райан	27
Бет	31
Райан	33
Бет	37
Райан	42
Бет	45
Райан	48
Бет	51
Райан	53
Бет	56
Райан	61
Бет	63
Райан	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кэти Макгэрри

А тебе слабо

© 2013 by Katie McGarry

© В.Максимова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Это красивая птица, которую посадили в клетку
Старая китайская пословица

Райан

Быть вторым – это не для меня. Всегда так было. И всегда так будет. Вторые места – не для тех, кто хочет во всём быть первым. Так что сейчас я в полном дерьме: мой лучший друг вот-вот возьмёт телефон у цыпочки, работающей на кассе в «Тако Белл», а значит, обставит меня.

Началось с пустякового спора, а получилось развлечение на целый вечер. Сначала Крис на спор подбил меня взять телефон у девушки, стоявшей в очереди за билетами в кино. Потом я подначил его раздобыть номерок у спортсменки, отрабатывавшей удары на бейсбольной площадке. Чем больше нам везло, тем быстрее росли ставки. К сожалению, Крис обладает улыбочкой, от которой тает сердце любой девчонки, даже если у той уже есть парень.

А я ненавижу проигрывать.

«Тако Белл» заливается краской, когда Крис ей подмигивает. С ума сойти! Между прочим, я выбрал её потому, что, принимая заказ, она назвала нас неотёсанной деревенщиной. Крис опирается руками о стойку, наклоняется к девушке, а я сижу за столиком и наблюдаю за разворачивающейся у меня на глазах трагедией. Неужели до неё до сих пор не дошло? А если всё-таки нет, то разве она не может найти в себе хоть крупицу самоуважения и послать Криса куда подальше?

У меня шея деревенеет, когда «Тако Белл», приснув, что-то чиркает на листочке, складывает его в несколько раз и отдаёт Крису. Чёрт. Парни за нашим столом оглушительно гогочут, кто-то хлопает меня по спине.

Вообще-то мы не планировали сегодня вечером стрелять телефончики у девчонок. Мы собирались отпраздновать последний пятничный вечерок перед началом учёбы. Этим летом я перепробовал всё: свободу горячего летнего ветра в джипе с опущенными стёклами; ровное спокойствие тёмных загородных дорог, ведущих на федеральные трассы; волнующее сияние городских огней во время получасовой поездки в Луисвилл и, наконец, умопомрачительный вкус маслянистого тако в полночь.

Крис резко вскидывает бумажку с телефонным номером вверх, как рефери, поднимающий перчатку победителя на ринге.

– Готово, Райан.

– Тащи сюда.

Я ни за что не позволю Крису меня обставить.

Он шлёпается на своё место, швыряет листочек в кучку номеров, которые мы собрали за вечер, и поглубже натягивает бейсболку «Средняя школа округа Буллитт» на каштановые волосы.

– Давай-ка поглядим... В этих делах всегда нужно всё хорошенько взвесить, правда? Девочку нужно выбирать с умом. Она должна быть достаточно симпатичной, чтобы не потеряла голову от счастья, что ты вообще подошёл к ней. Не как собака, что рада всякому, кто кинет кость.

Подражая ему, я откидываюсь на спинку кресла, вытягиваю ноги и складываю руки на животе.

– Не торопись. У нас вагон времени.

Но на самом деле это не так. После этих выходных наши жизни круто изменятся – и моя, и Криса. В понедельник мы станем старшеклассниками, а значит, начнётся наша последняя осень в лиге. У меня в запасе всего несколько месяцев для того, чтобы понравиться профессиональным бейсбольным агентам, иначе мечта, ради которой я надрываюсь всю свою жизнь, превратится в тыкву.

Пинок по ноге возвращает меня к действительности.

– Хорош думать о серьёзном, – шепчет Логан.

Единственный младшеклассник за нашим столом и лучший, чёрт его возьми, кетчер¹ в штате кивает на остальных. Он читает по моему лицу лучше, чем все остальные. И неудивительно. Мы с ним с детства играем вместе. Я подавал мяч, Логан ловил.

Ради Логана я смеюсь над шуткой Криса, хотя даже не слышал её.

– Мы скоро закрываемся.

Цыпочка из «Тако Белл» протирает столик рядом с нашим, улыбается Крису. В свете красной неоновой вывески «Автокафе: открыто» она выглядит почти хорошенькой.

– Может, этой я позвоню, – говорит Крис.

Я приподнимаю бровь. Крис без ума от своей девушки.

– Нет, не позвонишь.

– Позвонил бы, если бы не Лейси.

Но у Криса есть Лейси, и он её любит, поэтому говорить не о чем.

– У меня есть ещё одна попытка, – я устраиваю настоящее шоу, оглядывая фиолетовый зал забегаловки в стиле «текс-мекс». – Ну, кого ты для меня выбрал?

Звонок из автокафе сообщает о прибытии машины, битком набитой классными девчонками. В машине гремит рэп, и я готов поклясться, что одна из девиц улыбается нам. Обожаю этот город. Брюнетка на заднем сиденье машет мне рукой.

– Может, из этих кого-нибудь?

– Ага, как же, – насмешливо цедит Крис. – Мне, может, сразу уже сдаваться?

Двое парней выскакивают из-за нашего столика и выбегают на улицу, оставив меня, Криса и Логана втроём.

– Ну что, Логан, остался последний шанс подцепить классных городских девчонок перед возвращением в Гровтон.

Логан не произносит ни слова, даже бровью не ведёт. В этом весь Логан – сама бесстрастность. Если речь не идёт о жизни и смерти, он и пальцем не пошевелит.

– Вот эта! – глаза Криса оживляются, он смотрит в сторону входа. – А ну-ка, вот эту.

Я со свистом втягиваю в себя воздух. Судя по голосу, Крис совершенно счастлив, так что мне радоваться, похоже, нечему.

– Которая?

– Только что вошла, ждёт у стойки.

Я отваживаюсь взглянуть. Чёрные волосы. Рваная одежда. Всё ясно, скейтерша. Чёрт, к этим девчонкам трудно подкатить. Я с досадой хлопаю ладонью по столу, так что подносы подсказывают. Нет, ну почему? Какая нелёгкая занесла Скейтершу сегодня вечером в «Тако Белл»?

От подначек Криса мне, понятное дело, лучше не становится.

– Признай поражение и не мучайся!

– Ни за что.

Я встаю, твёрдо решив не сдаваться без боя.

Все девчонки одинаковы. Я твержу себе это, направляясь к кассе. Может, на вид она и отличается от наших девушек, но все они хотят только одного – встретить парня, который проявит к ним интерес. А проблема парня заключается в том, чтобы отрастить яйца для такого дела. Хорошая новость – у меня с этим порядок.

– Привет. Меня зовут Райан.

Лица не разглядеть за длинными чёрными волосами, но стройное тело с намёком на изгибы и округлости вызывает интерес. В отличие от девушек нашего городка, она не носит ценённые дизайнерские шмотки. Нет. У неё свой стиль. Её чёрный облегающий топ откры-

¹ Кетчер – в бейсболе игрок обороняющейся команды, который находится перед судьёй, за домом и спиной *баттера*, и принимает мяч, поданный *питчером*.

вайт больше, чем скрывает, а обтягивающие джинсы подчёркивают всё что нужно. Мой взгляд задерживается на единственной прорехе на этих джинсах, прямо под её ягодицей.

Девушка наклоняется над стойкой, прореха расширяется. Скейтерша поворачивается в мою сторону – в сторону окошка автокафе.

– Кто-нибудь, вашу мать, примет у меня грёбанный заказ?

Хохот Криса, донёсшийся от нашего углового столика, грубо возвращает меня в реальность. Я снимаю бейсболку, провожу рукой по волосам, снова напяливаю кепку. Почему именно она? И почему сегодня? Но спор есть спор, и я намерен его выиграть.

– Сегодня вечером обслуживают не так чтобы быстро.

Девушка награждает меня таким взглядом, будто это я не самый быстрый.

– Это ты мне?

От её неприязненного взгляда становится не по себе, и, будь на моём месте какой-нибудь слабак, он бы так и сделал. Но только не я. «Смотри, смотри, Скейтерша. Ты меня не напугаешь». Однако её глаза меня притягивают. Такие синие. Тёмно-синие. Никогда бы не подумал, что у черноволосых могут быть такие ослепительно-синие глаза.

– Я тебя спрашиваю, – она прислоняется бедром к стойке и скрещивает руки на груди. – Или ты и впрямь такой тупой, каким кажешься?

Ну да, она настоящий панк: понты, кольцо в носу и усмешка, которой можно убить на месте. Абсолютно не в моём вкусе; ну и ладно. Мне нужен всего лишь её телефон.

– Знаешь, тебя будут обслуживать лучше, если ты будешь следить за речью.

Намёк на улыбку трогает уголки её губ, вспыхивает в глазах. Но это не та улыбка, в ответ на которую тоже хочется улыбнуться. Это издевательская насмешка.

– Тебя беспокоит моя речь?

Да.

– Нет.

Девушки не говорят «твою мать». По крайней мере, не должны. На самом деле мне плевать на слова, но я вижу, когда меня проверяют, а это и есть проверка.

– Значит, моя речь тебя не беспокоит, однако ты утверждаешь, – она повысила голос и снова перегнулась через стойку, – что меня, твою мать, обслужат, если я буду следить за языком!

Ладно, проехали. Попробуем сменить тактику.

– Чего ты хочешь?

Она резко вскидывает голову, как будто успела забыть о моём присутствии.

– Что?

– Поесть. Что ты хочешь заказать?

– Рыбу! Как ты думаешь, чего я хочу? Я же в «Тако»!

Крис снова заливается хохотом, на этот раз к нему присоединяется и Логан. Ясное дело. Если я не вывернусь, то всю дорогу домой буду слушать их идиотские шуточки. Я перегибаюсь через стойку и машу рукой девушке, которая работает в автокафе. Я улыбаюсь ей. Она улыбается мне в ответ. Учись, Скейтерша. Это делается вот так.

– Можно вас на минуточку?

Девушка из автокафе отвечает мне ослепительной улыбкой и поднимает палец, продолжая принимать предыдущий заказ.

– Сейчас подойду. Даю слово.

Я поворачиваюсь к Скейтерше, но вместо того, чтобы сказать спасибо, она с нескрываемым раздражением качает головой.

– Спортсмены!

Моя улыбка гаснет. Её становится шире.

– Откуда ты знаешь, что я спортсмен?

Её взгляд скользит по моей груди, и я подавляю гримасу. На серой футболке чёрными буквами написано: «Средняя школа округа Буллит, чемпионы штата по бейсболу».

– Значит, ты всё-таки тупой, – говорит девушка.

С меня хватит. Я делаю шаг к нашему столику, но останавливаюсь. Я никогда не проигрываю.

– Как тебя зовут?

– Что мне сделать, чтобы ты от меня отвязался?

Вот он – мой шанс.

– Дай мне свой телефон.

Правый уголок её губ слегка ползёт вверх.

– Да ты, твою мать, смеёшься?

– Я совершенно серьёзен. Скажи мне, как тебя зовут, и дай телефон, и тогда я уйду.

– По-моему, у тебя с башкой проблемы.

– Добро пожаловать в «Тако Белл». Готовы сделать заказ?

Мы оба поворачиваемся к девушке из «Тако Белл». Она ослепительно улыбается мне, но сникает при виде Скейтерши. Опустив веки, девушка повторяет вопрос:

– Что вам принести?

Я вытаскиваю бумажник, кладу на стойку десятку.

– Тако.

– И кока-колу, – говорит Скейтерша. – Большую. Раз уж он платит.

– Ла-адно.

Девушка из автокафе принимает заказ, смахивает деньги со стойки и возвращается к окошку.

Мы смотрим друг на друга. Клянусь, эта девица ни разу не моргнула.

– Надеюсь, поблагодарить входит в заказ? – спрашиваю я.

– Я не просила тебя платить.

– Скажи, как тебя зовут, и дай свой телефон – и мы в расчёте.

Она облизывает губы.

– Даже не старайся, ты всё равно ничего не можешь сделать, чтобы заполучить мой телефон и узнать моё имя.

Раздаётся звонок. Что ж, время игр кончилось. Нарочито вторгаясь в её личное пространство, я делаю шаг вперёд, кладу руку на стойку рядом с ней. Это производит на неё впечатление. Я это ясно вижу. Насмешка исчезает из её глаз, она обхватывает себя руками. Она маленькая. Меньше, чем я думал. Она вела себя настолько заносчиво, что я не обратил внимания на её габариты.

– Спорим, могу?

Она вздёргивает подбородок.

– Не можешь!

– Восемь тако и одна большая кола, – щебечет девушка из-за стойки.

Скейтерша хватается за заказ и разворачивается к выходу прежде, чем я успеваю опомниться. Я на грани проигрыша.

– Подожди!

Она останавливается в дверях.

– Ну что?

В этом «ну что» нет и следа недавней злобы. Может быть, всё-таки получится?

– Дай мне телефон. Я хочу тебе позвонить.

Нет, не хочу, но очень хочу выиграть. Девушка колеблется. Я это вижу. Чтобы не спугнуть её, я скрываю волнение. Ничто не заводит меня сильнее, чем победа.

– Вот что я тебе скажу, – её улыбка лучится смесью кокетства и коварства. – Если проводишь меня до машины и откроешь мне дверь, я дам тебе телефон.

Могу.

Она выходит на влажный ночной воздух, вприпрыжку бежит по тротуару к парковке. Вот не думал, что она такая попрыгунья. Впрочем, неважно – она прыгает, а я иду за ней, наслаждаясь вкусом победы.

Победа длится недолго. Я замираю посреди тротуара. Как только Скейтерша переступает через жёлтые парковочные линии, за которыми стоит дряхлая ржавая машина, оттуда мгновенно материализуются два парня грозного вида.

– Чем-нибудь помочь, дружище? – спрашивает меня тот, что повыше. Руки у него до плеч покрыты татуировками.

– Нет.

Я засовываю руки в карманы и принимаю расслабленную позу. У меня нет никакого желания ввязываться в драку, тем более находясь в меньшинстве.

Татуированный вразвалку идёт через парковку и наверняка дошёл бы до меня, если бы не второй парень, глаза которого скрыты за длинной чёлкой. Он встаёт прямо перед Татуированным, перекрывая ему путь, однако его поза ясно говорит о том, что он тоже не прочь перемахнуться со мной.

– Какие-то проблемы, Бет?

Бет. Даже не верится, что у такой упрямой девицы может быть такое нежное имя. Она как будто читает мои мысли, потому что губы её растягиваются в торжествующей усмешке.

– Уже нет, – отвечает она и запрыгивает на переднее сиденье машины.

Парни идут к машине, не сводя с меня глаз, будто я такой идиот, что могу кинуться на них сзади. Автомобильный двигатель с рёвом оживает, и машину бросает в такую дрожь, словно она держится только на скотче.

У меня нет никакого желания поскорее вернуться внутрь и рассказать друзьям о том, как я облажался, поэтому я остаюсь на тротуаре. Машина медленно проезжает мимо, а Бет прижимает ладонь к пассажирскому окну. На её ладони чёрным маркером написаны слова, знаменующие моё поражение.

«Не можешь».

Бет

Нет ничего лучше ощущения тепла одеяла, только что вынутого из сушки. Тепла сильной руки, лежащей на моём лице, перебирающей мои волосы. Вот если бы жизнь была такой... всегда.

Я могла бы прожить тут всю жизнь, в подвале дома моей тёти. Где кругом стены. Никаких окон. Всё чужое осталось снаружи. Люди, которых я люблю, – внутри.

Ной – волосы скрывают его глаза, не позволяют миру увидеть его душу.

Исайя – его руки покрыты прекрасными татуировками, которые отпугивают нормальных людей и восхищают свободных.

И я – в поэтическом экстазе от ощущения внутреннего спокойствия.

Я пришла сюда в поисках безопасности. Они – потому что у системы семейного патронажа не так много свободных домов в распоряжении. Мы остались здесь потому, что оказались потерявшимися кусочками разных пазлов, уставшими не подходить ни к одной картинке.

Год назад Ной и Исайя купили в «Гудвилл»² диван, гигантский матрас и телик. Барахло, выброшенное кем-то за ненадобностью. Стащив всё это вниз по лестнице в подполье, ребята сделали для нас дом. Они стали моей семьёй.

– Я носила бантики, – говорю я. Мой голос звучит странно. Как эхо. Издалека. И я говорю ещё, чтобы лучше расслышать эту странность. – Много бантиков.

– Мне нравится, когда она такая, – говорит Исайя Ную.

Мы втроём устроились на кровати. Ной сидит в ногах, привалившись спиной к стене, допивает очередное пиво. Мы с Исайей обнимаемся. Мы так делаем, только находясь в особом приподнятом расположении духа, потому что тогда это не считается. Когда ты в невесомости, вообще ничего не считается.

Исайя снова запускает руку в мои волосы. От этих нежных подёргиваний хочется закрыть глаза и уснуть навсегда. Блаженство. Настоящее блаженство.

– Какого цвета?

Привычные резкие нотки исчезают из голоса Исайи, теперь в нём остаётся только ровная глубина.

– Розовые.

– И?

– Платица. Я любила платица.

Я хочу посмотреть на него, но ощущение такое, будто приходится поворачивать голову в песке. Моя голова лежит у него на животе, и я улыбаюсь, потому что жар его тела через футболку обжигает мою щёку. А может, я улыбаюсь потому, что это Исайя, ведь только он может заставить меня улыбаться.

Мне нравятся его тёмные коротко подстриженные волосы. Его добрые серые глаза. Нравятся кольца в его ушах. Ещё нравится... что он такой горячий.

– Хочешь платье, Бет? – спрашивает Исайя.

Он никогда не насмехается надо мной, когда я вспоминаю о своём детстве. Наоборот, это один из редких случаев, когда он задаёт мне вопросы.

– А ты мне купишь?

Не знаю, почему, но от этой мысли у меня радостно щекочет в груди. Крошечный ясный уголок моего мозга пытается напомнить, что я давно не ношу платья и терпеть не могу бантики. Но остальная часть моего разума, погружённая в сладкую дрему, наслаждается игрой в вооб-

² Goodwill – сеть магазинов секонд-хенд в США.

ражаемую жизнь: с платицами, ленточками и кем-то могущественным, способным воплотить в жизнь мои самые безумные мечты.

– Да, – не раздумывая, отвечает Исайя.

Лицо становится тяжелее, потом то же самое происходит со всеми остальными частями тела, включая сердце. Нет, я этого не хочу. Я закрываю глаза и приказываю, чтобы всё стало как раньше.

– Она готова. – Голос Ноя звучит обеспокоенно. – Мы слишком долго тянули.

– Нет, всё нормально.

Исайя поворачивается, кладёт мою голову на что-то мягкое и пушистое. Он даёт мне подушку. Исайя всегда обо мне заботится.

– Бет? – его тёплое дыхание щекочет мне ухо.

– Ага, – сонно шепчу я.

– Переезжай с нами.

Прошлой весной Ной окончил школу и освободился от опеки приёмной семьи. Теперь он съезжает отсюда, и Исайя едет вместе с ним, хотя официально он не может выйти из-под опеки до следующего года, когда ему исполнится восемнадцать и он окончит школу. Но моей тётке совершенно по барабану, где будет жить Исайя, главное – чтобы она продолжала регулярно получать чеки от штата.

Я хочу отрицательно помотать головой, но в песке это сделать не так-то просто.

– Мы с Ноем уже обо всём договорились: у тебя будет отдельная комната, а мы поселимся в другой.

Они говорят об этом уже несколько недель, всё пытаются уговорить меня переехать. Три ха-ха. Даже в невменяемом состоянии я могу воспротивиться их планам. Я приоткрываю глаза.

– Ничего не выйдет. Вам нужно уединение, чтобы приводить девчонок.

– У нас есть диван, – прыскает Ной.

– Я ещё учусь в школе.

– Как и Исайя. Напоминаю, если ты подзабыла: вы с Исайей оканчиваете в этом году.

Умный, паразит. Я бросаю сердитый взгляд на Ноя. Он бесстрастно прихлёбывает пиво.

Исайя продолжает:

– Ты подумала, как будешь добираться до школы? На автобусе?

Чёрт, нет. Ни за что.

– Тебе, лодырю, придётся вставать пораньше, чтобы добросить меня до школы.

– Ты же знаешь, что я готов, – шепчет он, и я снова испытываю слабый отзвук недавнего блаженства.

– Но почему ты не хочешь переехать к нам? – спрашивает Ной.

Его прямой вопрос заставляет меня прийти в себя. «Потому что!» – ору я про себя. Я переворачиваюсь набок, сворачиваюсь клубочком. Через несколько минут меня укрывает что-то мягкое. Одеяло подоткнуто мне под подбородок.

– Ну вот теперь она точно готова, – говорит Исайя.

Моя задница вибрирует. Я потягиваюсь, потом лезу рукой в задний карман за телефоном.

На какое-то мгновение я гадаю: вдруг это красавчик из «Тако Белл» каким-то чудом раздобыл мой номер. Он мне снился, парень из «Тако Белл». Он стоял очень близко ко мне, весь такой надменный и прекрасный, кареглазый и с копной белокурых волос. На этот раз он не клеился ко мне только для того, чтобы получить телефон. Он улыбался мне так, будто я для него что-то значила.

Сказано же, это был просто сон.

Все сладкие картины исчезают, когда я смотрю на время и входящий вызов в телефоне: итак, сейчас три часа ночи, и звонят мне из бара «Последняя остановка». Вот чёрт. Горько сожалеть о том, что кайф ушёл, я отвечаю на звонок.

– Подождите.

Исайя спит рядом со мной, его рука небрежно перекинута через мой живот. Я осторожно приподнимаю её, выбираюсь наружу. Ной вырубился на диване, прижимая к себе Эхо, свою девушку. Чёрт, когда только она успела вернуться в город?

Тихо-тихо я поднимаюсь по лестнице, вхожу на кухню и плотно закрываю дверь в подвал.

– Слушаю.

– С твоей мамашей опять проблемы, – раздаётся в трубке раздражённый мужской голос. К несчастью, я его узнаю: это Дэнни, бармен и владелец «Последней остановки».

– Вы не можете больше не продавать ей выпивку?

– Я-то могу, но что делать с мужиками, которые покупают ей виски? Слушай, детка, ты платишь мне за то, чтобы я звонил тебе до того, как вызову полицию, или вышвырну её за дверь. У тебя пятнадцать минут на то, чтобы забрать её отсюда.

Он отключается. Дэнни точно не помешало бы поучиться хорошим манерам.

Я прохожу пешком два квартала до торгового комплекса, в котором есть всё, что может понадобиться окрестным нищелюбам: прачечная, магазин «Всё за доллар», винный магазин, убогий супермаркет, где на продуктовые талоны и карточки «Дополнительной программы питания для женщин, младенцев и детей» продают вчерашний хлеб и недельной свежести мясо, а ещё табачная лавка, ломбард и бар для байкеров. Стоп, тут есть ещё чахлая адвокатская контора на случай, если вас угораздило попасться на краже или грабеже.

Остальные магазины давным-давно закрылись, опутив железные жалюзи на окна. Компании мужчин и женщин кучкуются вокруг рядов мотоциклов, которыми забита парковка. Затхлая сигаретная вонь, сладковатый запах ароматизированных сигарет и чего-то ещё смешиваются в тёплом летнем воздухе.

Мы с Дэнни прекрасно знаем, что он ни за что не вызовет копов, но я не могу рисковать. Маму уже дважды арестовывали, теперь у неё условный срок. Возможно, Дэнни не позвонит в полицию, зато с превеликим удовольствием вышвырнет мою маму вон. Взрыв грубого мужского смеха напоминает мне о том, чем это чревато. В этом смехе нет ни намёка на счастье, веселье или хотя бы разум. Это злобный, истеричный хохот, жаждущий чьего-то унижения.

Мою маму тянет к больным. Я этого не понимаю. И не должна понимать. Я просто разруливаю её проблемы.

Тусклые лампы, висящие над бильярдными столами, красные неоновые огни над барной стойкой и два телевизора на стене – вот и всё освещение в баре. Если верить объявлению на двери, вход воспрещён двум категориям посетителей: лицам до двадцати одного года и с отличительными знаками уличных банд. Даже в полумраке я вижу, что эти правила никто не соблюдает. Большинство мужчин одето в куртки с байкерскими клубными эмблемами, а половина сопровождающих их девушек явно не достигла совершеннолетия.

Я протискиваюсь между двумя мужчинами к стойке, где Дэнни разливает напитки.

– Где она?

Дэнни, как всегда одетый в красную байковую рубашку, стоит спиной ко мне и разливает водку по стопкам. Он явно не намерен при этом разговаривать – по крайней мере, со мной.

Я заставляю себя застыть, когда чья-то рука стискивает мне задницу, и парень, воняющий потом, наклоняется ко мне.

– Хочешь выпить?

– Отвали, придурок.

Он хохочет и снова щиплет меня. Я сверлю глазами разноцветные бутылки спиртного, выстроенные вдоль стены, представляя, что нахожусь где-то не здесь и всё это происходит не со мной.

– Убери руки от моей задницы – или я тебе яйца оторву!

Дэнни загораживает собой бутылки и пододвигает пиво парню, находящемуся в опасной близости от потери своего достоинства.

– Она малолетка.

Придурок тут же ретируется от стойки, а Дэнни кивает в глубину бара.

– Там же, где всегда.

– Спасибо.

Я иду сквозь строй взглядов и смешков. Смеются в основном постоянные посетители бара. Они знают, зачем я пришла. В их взглядах я читаю осуждение, насмешку, жалость. Чёртовы лицемеры.

Я иду с высоко поднятой головой, расправив плечи. Я лучше, чем они. Мне плевать на их шепотки и смешки за моей спиной. Пошли они. Пошли они все.

В дальнем зале посетители толпятся в основном вокруг покерных столов, остальное помещение свободно. Дверь в переулок распахнута настежь. Через неё видны мамин многоквартирный дом и даже её входная дверь. Что ж, очень удобно.

Мама сидит за маленьким круглым столиком в углу. Перед ней две бутылки виски и стакан. Мама потирает щёку, потом отводит руку. Меня обжигает ярость.

Он её ударил. Опять. Щека у мамы красная. Вся в пятнах. Кожа под глазом уже начала опухать. Вот поэтому-то я и не могу переехать с Исайей и Ноем. Вот поэтому я вообще никуда не могу уехать. Я должна жить в двух кварталах от мамы.

– Элизабет! – мама шепелявит на букве «з» и пьяно машет мне рукой.

Она хватает бутылку виски и наклоняет её над стаканом, но из горлышка ничего не льётся. Это и к лучшему, потому что горлышко на добрый дюйм сбоку от стакана.

Я подхожу к ней, забираю бутылку и присаживаюсь за столик.

– Там пусто.

– О! – она удивлённо хлопает пустыми голубыми глазами. – Будь хорошей девочкой, принеси маме ещё.

– Мне семнадцать.

– Тогда и себе возьми что-нибудь.

– Идём, мама.

Трясущейся рукой она приглаживает свои светлые волосы, оглядывается по сторонам с таким видом, будто только что проснулась.

– Он меня ударил.

– Я знаю.

– Я дала ему сдачи.

Ни секунды не сомневаюсь, что она ударила его первая.

– Нам пора идти.

– Я тебя не виню.

Это заявление ударяет меня с такой силой, с какой ни один мужчина не смог бы. Я судорожно выдыхаю, лихорадочно ищу способ облегчить жгучую боль, но ничего не выходит. Тогда я беру вторую бутылку – к счастью, в ней что-то осталось, – наливаю стопку, опрокидываю. Потом наливаю снова, передаю ей.

– Нет, винишь.

Мама долго смотрит на виски, потом проводит своими немолодыми пальцами по краю стакана. Ногти у неё обгрызены до мяса. Разросшиеся неопрятные кутикулы. Кожа вокруг ногтей сухая и потрескавшаяся. Мне самой интересно, была ли моя мама когда-то красивой.

Она запрокидывает голову, пьёт.

– Правильно говоришь. Виню. Твой отец никогда бы меня не бросил, если бы не ты.

– Я знаю, – жжение во рту перебивает боль воспоминаний. – Идём.

– Он меня любил.

– Я знаю.

– А ты сделала такое... из-за этого он и ушёл.

– Я знаю.

– Ты погубила мою жизнь.

– Я знаю.

Она начинает плакать. Да, это пьяные рыдания. Те самые, что выплёскивают наружу всё: слёзы, сопли, плевки и жуткую правду, которую не стоит открывать никому.

Я морщусь, сглатываю, напоминаю себе, что нужно глубоко дышать.

– Я знаю.

Мама хватается за руку. Я не отстраняюсь. И не сжимаю её руку в ответ. Я позволяю ей делать то, что ей необходимо. Всё это мы с ней уже проходили, и не один раз.

– Прости, детка, – мама проводит рукой под носом. – Я не то имела в виду. Я люблю тебя.

Ты же знаешь, я тебя люблю. Не бросай меня. Хорошо?

– Хорошо.

Что ещё мне остаётся сказать? Она – моя мама. Моя мама.

Её пальцы чертят круги на тыльной стороне моей ладони, но она не смотрит мне в глаза.

– Переночуешь у меня?

Вот это Исайя мне строго-настрого запретил. На самом деле он запретил мне даже больше: он заставил меня пообещать, что я буду держаться подальше от матери после того, как её нынешний приятель меня избил. Я типа держу это обещание, переехав к тётке. Но кто-то же должен заботиться о моей маме: следить, чтобы она ела, покупала продукты, оплачивала счета. В конце концов, это я виновата, что отец нас бросил.

– Давай-ка пойдём домой.

Мама улыбается, не замечая, что я не ответила на её вопрос. Иногда мне снится ночью, как она улыбается. Она была счастлива, когда отец жил с нами. А потом я разрушила её счастье.

Мама встаёт из-за стола, и у неё тут же подгибаются колени, но идти она может. Сегодня хорошая ночь.

– Ты куда? – спрашиваю я, когда она делает шаг в сторону бара.

– Заплатить за выпивку.

Ого! Она при деньгах.

– Я заплачу. Стой здесь, сейчас я отведу тебя домой.

Но вместо того, чтобы дать мне денег, мама прислоняется к задней двери. Отлично. Теперь мне придётся за неё платить. Хорошо, что парень из «Тако Белл» купил мне поесть и у меня есть чем рассчитаться с Дэнни.

Я расталкиваю толпу перед баром, Дэнни кривится при виде меня.

– Забери её отсюда, крошка.

– Уже забрала. Сколько она должна?

– Всё оплачено.

Кровь застывает у меня в жилах.

– Когда?

– Только что.

Нет.

– Кто это сделал?

Он отводит глаза.

– А ты как думаешь?

Вот чёрт. Я разворачиваюсь и несусь обратно, натыкаюсь на людей, расталкиваю их. Он уже ударил её. И сделает это снова. Я пулей вылетаю через заднюю дверь на улицу, но там пусто. В темноте – никого. И в свете уличных фонарей – тоже. Только сверчки стрекочут вокруг.

– Мама!

Со звоном разбивается стекло. Потом – ещё одно. Жуткие вопли эхом отлетают от маминго дома. Боже, он её убивает. Я точно знаю.

Сердце так страшно колотится в рёбра, что трудно дышать. Меня всю трясёт: руки, ноги. Перед глазами встаёт душераздирающая картина того, что мне предстоит увидеть на парковке: мама в луже крови, а над ней стоит её ублюдочный приятель. Горячие слёзы разъедают глаза, я сворачиваю за угол и падаю, в кровь обдирая ладони об асфальт. Плевать. Я должна её найти. Мою маму...

Мама замахивается бейсбольной битой и вдребезги крушит заднее стекло какого-то старого «Шевроле Эль Камино».

– Что... что ты делаешь?

Где, чёрт возьми, она раздобыла биту?!

– Он, – она размахивается и разбивает ещё одно стекло. – Он мне изменил!

Я моргаю, не зная, чего мне хочется больше – обнять её или прибить.

– Так брось его!

– Ах ты дрянь!

Из переулка между двумя домами на нас выбегает мамин приятель и с размаха отвешивает ей оплеуху. Удар его ладони по её щеке дрожью отзывается на моей коже. Бейсбольная битва выпадает из маминых рук и три раза подпрыгивает на асфальте. Каждый сухой деревянный стук бьёт мне по нервам. Наконец бита окончательно приземляется и катится к моим ногам.

Мамин ухажёр орёт на неё, материт на все корки, но его слова сливаются для меня в сплошной монотонный гул. В прошлом году он меня избил. Он бьёт маму. Но больше он нас не тронет.

Он заносит кулак. Мама выбрасывает вперёд руки. Пытаясь закрыть лицо, падает перед ним на колени. Я хватаю биту. Делаю два шага вперёд. Завожу биту за плечо и...

– Полиция! Брось биту! Лечь на землю!

Нас обступают трое копов в форме. Чёрт! Сердце тяжело колотится в груди. Я должна была это предвидеть, но не подумала, и эта ошибка дорого мне обойдётся. Знала же, что копы регулярно патрулируют этот жилой комплекс.

Ублюдок тычет пальцем в меня.

– Это она все устроила! Эта чокнутая дрянь разбила мою машину! Мы с её матерью пытались её остановить, но она совсем с катушек слетела!

– Брось биту! Руки за голову.

Я настолько ошеломлена этой наглой ложью, что забываю о бите, которую всё ещё держу в руках. Деревянная рукоять – шершавая на ощупь. Я роняю биту и опять слышу звонкий стук, с которым она отскакивает от асфальта. Завожу руки за голову, смотрю в упор на маму. Жду. Жду, что она всё объяснит. Жду, что она нас защитит.

Мама стоит на коленях перед своим ублюдком. Она слабо качает головой и одними губами шепчет мне: «Пожалуйста».

Пожалуйста? Что пожалуйста? Я делаю большие глаза, умоляя её объяснить.

И тогда она беззвучно произносит два слова: «Условный срок».

Полицейский ногой отшвыривает биту в сторону, быстро обыскивает меня.

– Что произошло?

– Это сделала я, – отвечаю я. – Я разбила его машину.

Райан

Пот капает у меня с головы, течёт по лбу, так что приходится снова и снова снимать бейсболку и вытирать его. Вечернее солнце печёт так, будто меня в аду жарят на сковороде. В августе играть хуже всего.

Ладони потеют. Бог с ней, с левой: она всё равно в перчатке. Зато правую, бросковую, приходится то и дело вытирать о штаны. Сердце грохочет в ушах, я подавляю приступ головокружения. От запаха подгорелого попкорна и хот-догов, наплывающего от ларьков, у меня судорожно сводит желудок. Напрасно я вчера засиделся допоздна.

Взглянув на табло, вижу, что температура поднялась с девяноста пяти до девяноста шести градусов³. А по ощущениям наверняка не меньше сотни. Теоретически при ста пяти градусах судья должен прекратить игру. Но это теоретически.

По правде говоря, будь оно хоть ниже нуля, мне было бы не легче. Желудок всё равно крутило бы. И руки так же потели бы. Это всё из-за напряжения, оно всё растёт и растёт, сводя мне всё внутри.

– Давай, Рай! – кричит Крис, наш шорт-стоп⁴, со своего места между второй и третьей базами.

Его одинокий боевой клич подхватывают остальные игроки: и те, кто на поле, и сидящие на скамейке запасных. Впрочем, «сидящие» – это я зря. Они все стоят, вцепившись в ограждение.

Идёт вторая половина седьмого иннинга⁵, у нас один ран⁶, два аута⁷, а я уже успел лохануться и позволил бегущему достичь первой базы. Проклятый кручёный мяч. С этим отбивающим я уже заработал один страйк⁸ и два бола⁹. Так что больше ошибаться мне нельзя. Ещё два страйка и игра закончена. Два бола – и отбивающий займёт первую базу, выведя свою команду вперёд.

Зрители тоже включаются. Они хлопают, свистят и подбадривают меня. Но мой отец кричит громче всех.

Крепко сжимаю мяч, делаю глубокий вдох, потом завожу правую руку за спину и наклоняюсь вперёд, ожидая сигнала Логана. Напряжённое ожидание броска. Все хотят выиграть эту игру. Но я хочу этого сильнее всех.

Я не проиграю.

Логан занимает позицию позади отбивающего и вдруг делает нечто неожиданное. Он стягивает маску на затылок, опускает руку между ног и показывает мне средний палец.

Вот скотина.

Логан широко ухмыляется, отчего у меня инстинктивно расслабляются плечи. Это всего лишь первая игра осеннего сезона. Практически тренировочный матч. Я киваю, Логан натягивает маску на лицо и дважды показывает мне «пацифик».

³ То есть с 35 °С до 36 °С.

⁴ Шорт-стоп (*shortstop*) – игрок обороняющейся команды, занимающий место между второй и третьей базами. Шорт-стоп – одна из самых важных оборонительных позиций в бейсболе, поскольку игрок страхует сразу две базы.

⁵ Иннинг (англ. *inning*) – период бейсбольного матча, в ходе которого обе команды по разу играют в защите и нападении. Как правило, матч состоит из девяти иннингов.

⁶ Ран (англ. *run*) – очко, заработанное командой нападения.

⁷ Аут (англ. *out*) – игровая ситуация, означающая, что игрок команды нападения выведен из игры в данном иннинге.

⁸ Страйк (англ. *strike*) – штрафное очко.

⁹ Бол (англ. *ball*) – мяч, поданный питчером вне зоны удара и не отражённый битой отбивающего. После каждой подачи судья объявляет число болов и страйков. После четырёх болов питчера в одном иннинге отбивающий занимает первую базу и становится раннером.

Так, нужен фастбол¹⁰.

Оглядываюсь через плечо на первую базу. Этот раннер за секунду угадывает направление будущего мяча, но сейчас этого ему будет маловато. Я завожу руку за спину и бросаю, вложив в бросок всю энергию и адреналин разом. Сердце делает два удара – затем я слышу восхитительный звук, с которым мяч врежется в перчатку Логана, и судья объявляет:

– Второй страйк.

Логан отдаёт мне мяч, и теперь я уже спокоен перед следующей подачей. Всё будет тип-топ. Моя команда вернётся домой с победой.

Логан скрещивает мизинец и безымянный палец. Я мотаю головой. Нет, я хочу закончить этот матч, поэтому никаких кручёных подач, только фастбол. Логан секунду колеблется, потом показывает мне «виктори». Молодец. Он знает, что я могу дать жару.

Держа руку между ног, он застывает, потом кивает в сторону от баттера, показывая, что мяч не должен вылететь за пределы зоны. Я киваю. Само собой, бросить надо аккуратно. Мяч вылетает из моей руки, ударяется прямо в середину перчатки Логана, но судья выкрикивает:

– Бол!

Я перестаю дышать. Это точно был страйк.

Ограда дребезжит под кулаками моих товарищей по команде, вопящих о несправедливости. Тренер орёт на судью, стоя на краю нейтральной зоны между полем и отсеком запасных. Зрители шумят и свистят. Моя мама сидит на трибунах с низко опущенной головой, погружённая в молитву, её рука стискивает жемчужное ожерелье.

Да провались всё. Я срываю с головы бейсболку, пытаюсь успокоить кровь, бурлящую в венах. Несправедливое судейство бесит, но такое тоже случается. У меня ещё есть шанс всё исправить. Всего один...

– Это был страйк!

Мой отец спускается с трибуны и направляется к ограде позади судьи. Игроки и зрители притихли. Отец требует справедливости. Точнее, справедливости, как он её понимает.

– Вернитесь на трибуну, мистер Стоун, – говорит судья.

У нас в городе все знают моего отца.

– Я вернусь на своё место, когда у нас будет судья, который судит справедливо. А вы подсуживаете на протяжении всей игры!

Отец никогда не повышает голоса, однако сейчас его слышат все трибуны. Мой отец – человек властный, и весь город его обожает.

Стоя за оградой, он возвышается над толстеньким коротышкой судьёй и ждёт, чтобы положение, которое он находит неправильным, привели в порядок. Мы с отцом – точные копии друг друга: светлые волосы, карие глаза, длинные ноги, широкие плечи, сильные руки. Бабушка говорит, что такие мужчины, как мы с отцом, созданы для тяжёлого труда. А отец говорит, что мы созданы для бейсбола.

Наш тренер выходит на поле вместе с тренером команды соперников. Я думаю, это правильно. Судья неверно судил игру и той, и другой команды на протяжении всего матча, но забавно, что никому не хватило смелости заикнуться об этом, пока мой отец не возмутился.

– Твой старик – настоящий мужик, – говорит Крис, заходя на питчерскую горку.

– Ага.

Мужик. Я снова смотрю на маму и на пустое место, где раньше всегда сидел мой брат Марк. Его отсутствие царапает меня гораздо сильнее, чем я мог подумать. Я протягиваю руку в перчатке в сторону Логана, который стоит рядом с четвёркой мужчин, горячо спорящих по поводу судейства. Логан машинально передаёт мне мяч.

Крис обводит глазами зрителей.

¹⁰ Фастбол (*fastball*) – прямая подача, наиболее распространённая в бейсболе, упор делается на скорость мяча.

– Видал, кто пришёл на игру?

Больно надо смотреть! Я и так знаю, что Лейси ходит на все игры Криса.

– Гвен, – говорит он с деланным безразличием. – Лейси слышала, будто она снова без ума от тебя.

Я машинально поворачиваюсь к трибунам, пытаюсь разглядеть её. Два года назад Гвен и бейсбол были смыслом моей жизни. Ветер перебирает длинные светлые волосы Гвен, и, будто почувствовав мой взгляд, она смотрит прямо на меня и улыбается. В прошлом году я обожал её улыбку. Ведь она была предназначена мне одному. С тех пор прошло уже несколько месяцев. Мама до сих пор любит Гвен. А я даже не знаю, что чувствую к ней. Парень, сидящий рядом с Гвен, шарит взглядом по трибунам, потом обнимает её за плечи. Давай, поковыряй мои болячки, козёл. Без тебя знаю, что у нас с Гвен всё.

– Играем!

Это объявляет новый судья, стоящий на базе отбивающего. Прежний судья пожимает папе руку за оградой. Я же говорю, мой отец за то, чтобы всё было по-честному, и считает справедливость неперменным качеством настоящего мужчины. Это правило распространяется на всех мужчин, кроме моего брата.

Когда отец возвращается на своё место, болельщики провожают его аплодисментами. Некоторые протягивают ему руки. Другие хлопают по спине. Вне поля мой отец – первый. А на поле хозяин – я.

Баттер делает несколько разминочных взмахов. Два страйка. Три бола. Этот парень знает, что я ещё могу всё изменить. Присвистнув, киваю Логану.

Крис ржёт за моей спиной. Он точно знает, что я не замышляю ничего хорошего. Логан подходит ко мне, сдвинув маску на затылок.

– Какие планы, босс?

– Рассказывай.

Вот как поступают хорошие кетчеры.

– Смотри, этот баттер был слегка приторможенный, но сейчас он передохнул и выложится по полной. Твой фастбол вылетит за площадку, и он это знает.

Я катаю мяч в пальцах.

– Значит, он ожидает фастбола?

– Будь я на его месте, я бы ждал именно это, – встречает Крис.

Я пожимаю плечом, мышцы протестующе ноют.

– Тогда попробуем чейндж-ап¹¹. Он решит, что это фастбол, и не успеет правильно среагировать.

Улыбка пробегает по лицу Криса, он прижимает перчатку к губам.

– Ты его сделаешь!

– Мы его сделаем, – повторяю я, прикрывая рот перчаткой.

Я разворачиваюсь к полю, свистом привлекаю внимание команд. Крис возвращается на свою позицию, проводит ладонью по груди и дважды хлопает правой рукой по левой. Центральный принимающий схватывает на лету, второй бейсмен передаёт сообщение дальше. К тому времени, когда я сосредоточиваюсь на баттере, Логан уже передал наш план второму и третьему бейсменам.

Логан натягивает на лицо маску, занимает позицию и вытягивает руку в перчатке. Да, я сделаю эту игру.

– До вечера, чувак.

¹¹ Чейндж-ап (англ. *changeup*) – подача по замаху и началу движения похожа на фастбол, но мяч бросается с меньшим ускорением, вводя в заблуждение баттера.

Крис пинает меня по ноге, проходя мимо. В одной руке у него чехол с битой, в другой – рука Лейси. Мы с Крисом познакомились с Лейси в шестом классе, когда наши школы объединили. Мне она понравилась в тот день, когда я увидел, как она сбивает коленки, гоняя в футбол с мальчишками. А Крис влюбился в неё в тот день, когда она пнула его за то, что он пытался вышибить её с бейсбольного поля. Они стали встречаться в десятом классе, сразу после того, как Крис набрался храбрости пригласить её на свидание.

Лейси стягивает резинку с запястья и закручивает каштановые волосы в небрежный пучок. Мне нравится, что она не похожа на других девчонок. Девушка, готовая встречаться со мной, Крисом и Логаном, не должна быть нежным цветочком. Только не поймите меня неправильно: Лейси – сногшибательная красотка, но ей трижды плевать на то, что о ней думают.

– Мы сегодня идём на вечеринку. Хочу разговоров, общества и танцев! Ведь жизнь – это не только тренировки и пари.

Наши с Логаном пальцы застывают на шнуровках бутсов, мы одновременно вскидываем головы. Крис бледнеет.

– Ты с ума сошла, Лейси. Сейчас же скажи, что ты пошутила.

Логан, сидящий рядом со мной, суёт ноги в «найки», заталкивает бутсы в сумку.

– Ты просто не знаешь, что такое радость выигранного спора.

– Споры – это совсем не смешно, – говорит Лейси, и в её голосе отчётливо слышится упрёк. – Это просто безумие. Вы подожгли мою машину!

Логан предостерегающе поднимает руку.

– Стоп, я вовремя открыл окно. И вообще там только обшивка чуть опалилась.

Мы с Крисом фыркаем при воспоминании о том, как вопила Лейси, закладывая сорок миль в час на повороте. Краткое содержание: обёртка от гамбургера, зажигалка, секундомер и пари. Логан случайно уронил горящую обёртку, которая завалилась под сиденье Лейси. Однако достаточно одного фирменного взгляда Лейси «вот-сейчас-вы-так-огребёте-что-мало-не-покажется», чтобы мы заткнулись.

– Скорее бы ты завёл девушку, которая будет возить тебя, чокнутого идиота!

– Мне нельзя, – Логан комично шевелит бровями. – Я второй пилот Райана, я развлекаю подружек его подружек на свиданиях.

– Второй пилот, – цедит Лейси, потом тычет своим блестящим ногтем в нас с Логаном, однако задерживается почему-то на мне. – Кому-то из вас нужно поскорее найти себе девушку и поумнеть наконец! Я сыта по горло вашей тестостероновой дурью!

Между прочим, Лейси терпеть не могла всех девушек, с которыми я встречался этим летом. Она боится, что я подобью Криса её бросить, хотя это просто глупо. Крис молится на неё как на божество.

– Тебе же не понравилась моя последняя, – напоминаю я. – Так зачем снова затеваться?

– Затем, что ты можешь найти кого-нибудь получше той дуры.

Я понижаю голос.

– Гвен не дура.

Мы с Гвен расстались, но это не повод говорить о ней гадости.

– Легка на помине, – шепчет Логан.

– Привет, Райан.

Поворачиваю голову и вижу Гвен во всём её великолепии. Голубое хлопчатобумажное платье развевается вокруг её загорелых ног, обутых в ковбойские сапоги, которых я раньше на ней не видел. Колечки длинных светлых волос, завитых на кончиках, подпрыгивают в такт шагам. В окружении трёх своих лучших подруг Гвен идёт мимо, но её зелёные глаза смотрят только на меня.

– Гвен, – говорю я в ответ.

Дойдя до торговой палатки, она перебрасывает волосы через плечо и переключает внимание на что-то другое. А я всё смотрю на неё, пытаюсь вспомнить, из-за чего мы расстались.

– Какая драма! – Лейси нарочно загораживает мне вид на задницу Гвен. – Эта девица всегда была ходячим театром! Помнишь, как ты сказал: «Лейси, в ней нет ничего настоящего»? А я тебе ответила: «Я знаю» – и с удовольствием добавила: «А я тебе говорила!». Вспомнил? Ты тогда сказал: «Не позволяй мне к ней вернуться», а я сказала: «Только попробуй, и я тебе собственноручно яйца откручу», а ты и говоришь...

– Нет.

Я сказал «нет» потому, что Лейси вполне могла привести свою угрозу в действие, а мне бы хотелось сохранить свои яйца в целости. Я в самом деле просил её напомнить мне о том разговоре, если вдруг дам слабину. В следующие выходные нам с Логаном нужно будет пригласить каких-нибудь девчонок в кино. Чёрт, если бы Скейтерша дала мне свой телефон, я бы, может, и набрал ей. Ей-богу, она была та ещё штучка, а когда дело касается Гвен, мне всегда помогает на кого-нибудь отвлечься.

– Пошли, Логан, – говорит Крис. – Я отвезу тебя домой.

Отец стоит, обняв маму за плечи, возле скамейки запасных. Они беседуют с нашим тренером и каким-то человеком, одетым в рубашку поло и брюки цвета хаки. Интересно, кто-нибудь, кроме меня, замечает, что мама слегка отстранилась от отца? Скорее всего, нет. Мама сегодня – само светское очарование, сплошь улыбки и смешки.

Отец бросает на меня взгляд через плечо, показывает, чтобы я присоединился к ним, одарив меня при этом одной из своих редких улыбок разряда «я тобой горжусь». Это меня напрягает. Да, мы выиграли, но мы часто выигрываем. Как и положено чемпионам штата. С какой стати сегодня лопаться от гордости?

Как я уже сказал, мы с отцом похожи, как два клона, с поправкой на возраст и цвет кожи. Годы, проведённые под дождём и солнцем, на ветру и холоде, наложили отпечаток на отцовское лицо. Владельцу строительной компании волей-неволей приходится много бывать на воздухе.

– Райан, это мистер Дэвис.

Мы с мистером Дэвисом одновременно протягиваем друг другу руки. Он высокий, худой, на вид примерно одних лет с моим отцом, хотя и не настолько обветренный.

– Зови меня Роб. Поздравляю с хорошей игрой. Твои фастболы – это нечто.

– Спасибо, сэр.

Всё это я уже слышал раньше. Мама говорит всем подряд, что я одарён самим Господом Богом, и хотя сам я ещё в этом не уверен, но не стану отрицать: игра мне по душе. Жаль, что нам с отцом пока не удалось заинтересовать профессиональных бейсбольных тренеров.

Я привык к встречам и знакомствам. Поскольку мой отец – владелец компании и член городского совета, у него повсюду есть связи. Не поймите меня неправильно: мой отец не из тех, кто рвётся к власти. Он несколько раз отказывался баллотироваться на пост мэра, хотя мама годами упрашивает его подумать об этом. Нет, мой старик на самом деле живёт жизнью нашего общества.

Роб кивает на поле.

– Сделаешь пару бросков для меня?

Мама, отец и тренер обмениваются многозначительными улыбками, а я чувствую себя так, будто кто-то только что пошутил, а я не понял, над чем все смеются. Может, надо мной?

– Конечно.

Роб достаёт из сумки радар и свою визитную карточку. Держит радар в левой руке, а правой протягивает мне карточку.

– Сегодня я приехал сюда, чтобы поглядеть на парня из другой команды. Честно говоря, на него зря потратил время, зато, как мне кажется, разглядел кое-какой потенциал в тебе.

Отец хлопает меня по спине, и это публичное проявление чувств заставляет меня поднять на него глаза. Мой отец не из сентиментальных. Наша семья не из такого теста. Я сжимаю в руке карточку и прикусываю язык, чтобы не выругаться от изумления прямо перед мамой. Мужчина, шагающий к сектору за домашней базой, – это же сам Роб Дэвис, агент «Цинциннати Редс»!

– Я же говорил, что весенние пробы были не последними! – отец жестом велит мне следовать за Робом. – Давай, покажи ему!

Бет

Пожилой тюремный охранник – тот, который добрый – идёт рядом со мной. Он не стал затягивать наручники очень туго, как тот, другой придурок. Он не сверлит меня взглядом, пытаюсь напугать до смерти. Не пытается разыграть сцену из сериала «Копы». Он просто шагает рядом со мной, не замечая моего существования.

А я двумя руками за молчание, особенно после того, как всю прошлую ночь слушала вопли девчонки, у которой приключился неудачный трип от кислоты.

Или это было днём?

Понятия не имею, какое сейчас время суток.

Мне принесли завтрак.

Обсуждали обед.

Наверное, всё-таки утро. Или полдень.

Охранник открывает дверь в помещение, которое выглядит как комната для допросов. Эта комната совсем не похожа на камеру, где я сижу вместе с пятнадцатилетней девчонкой, после того, как меня задержали за порчу имущества. Охранник прислоняется спиной к стене. Я сажусь за стол.

Хочу курить.

Очень.

До чёртиков.

Руку бы себе отгрызла за одну затяжку.

– Что тебя так плющит?

Охранник смотрит на мои пальцы.

Я перестаю барабанить пальцами по столу.

– Курить хочу.

– Да, тяжело, – говорит он. – Я так и не смог бросить.

– Угу. Просто чума.

В комнату заходит коп, который арестовал меня прошлой ночью, то есть этим утром.

– Она заговорила.

Ага. Случайно вышло. Я поспешно закрываю рот. Прошлой ночью или сегодня утром – чёрт его знает, когда – я не сказала ни слова, когда они донимали меня вопросами про мою мать, её дружка и про то, как я живу. Я вообще ничего им не сказала, ни словечка, потому что боялась ляпнуть что-нибудь такое, из-за чего моя мать отправится за решётку. Этого бы я себе никогда не простила.

Я не знаю, что стало с ней и её дружком после того, как копы надели на меня наручники и усадили в патрульную машину. Если Господь услышал мои молитвы, то мама сейчас свободна, а этот подонок – в камере возле параша.

Коп похож на двадцатилетнего Джонни Деппа, и от него пахнет чистотой: мылом и чуть-чуть кофе. Это не тот, что пытался расколоть меня вчера ночью. Этот только арестовал меня. Он садится напротив меня, охранник выходит.

– Я – офицер Монро.

Я сверлю глазами стол.

Офицер Монро перегибается через стол, расстёгивает на мне наручники и швыряет их на свою половину стола.

– Может, расскажешь, что на самом деле произошло вчера ночью?

Всего одна затяжка. Боже, это в тысячу раз лучше, чем страстный поцелуй с реально крутым парнем. Но я не целуюсь с крутыми парнями, и у меня нет сигарет, потому что в настоящий момент меня допрашивают в предварилровке.

– Нам известно, что бойфренд твоей матери, Трент, – человек опасный, однако он далеко не дурак. Уже не первый раз нам не хватает доказательств, чтобы упечь его за решётку. Ты могла бы помочь себе и нам. Помоги нам засадить его в тюрьму, и он оставит в покое тебя и твою мать.

Я согласна: он – настоящий дьявол. Но помимо того, что Трент – никчёмный бывший футболист, променявший борьбу с мужчинами за мяч на безнаказанное избиение женщин, я могу поделиться с копами только слухами, которые ходят по улицам. Патрульные, работающие в южной части города, и так прекрасно знают все легенды о Тренте Паскуднике. Возможно, пикантная история о том, что этот ублюдок избивал меня и мою мать, могла бы обеспечить нас вшивой бумажонкой под названием «Судебный приказ о защите членов семьи», но семейные насильники обычно не задерживаются в тюрьме, не говоря уже о том, что Трент просто подтёрся бы этим приказом.

Его разыскивала полиция ещё до того, как моя мать с ним связалась, но он до сих пор разгуливает на свободе, ни дать ни взять ожившая нефть, которую никакими силами нельзя вернуть туда, откуда она вырвалась. Так что, помогая полиции, я только ускорю появление этой грязи и её поганой ярости у нашего порога.

– Он ведь живёт в том же доме, что и твоя мать, да? Разве не лучше будет, если вы с мамой снова будете жить вместе, забыв о Тренте как о страшном сне?

Понятия не имею, откуда ему известно, что я не живу с матерью, поэтому стараюсь не выдать себя взглядом. Не желаю признавать его правоту.

– Мы даже не знали, что он встречается с твоей матерью. Ведь он, хм-хм, проводит время с другими женщинами.

Я сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Скажите, какая новость!

– Элизабет, – говорит коп, не дождавшись ответа.

– Бет, – терпеть не могу своё имя. – Меня зовут Бет.

– Бет, у нас в вестибюле с пяти утра ждёт человек, на которого ты израсходовала право одного звонка.

Исайя! Я вскидываю глаза на офицера Монро. Стены, которые я возвела вокруг себя, осыпаются, следом тает ледяная холодность, за которой я пряталась всю ночь, и на их место приходит усталость. Следом спешат страх и боль.

Я хочу к Исайе. Я не хочу быть здесь. Я хочу домой.

Я смаргиваю, догадавшись, что жжение в глазах у меня от слёз. Вытираю лицо, пытаюсь найти в себе силы и решимость, но нахожу только тяжёлую пустоту.

– Когда я смогу вернуться домой?

Стук в дверь. Офицер Монро приоткрывает дверь, с кем-то оживлённо перешёптывается, потом кивает. Через секунду в комнату входит моя тётя – более пожилая и более ухоженная копия моей матери.

– Бет?

Офицер Монро выходит, затворив за собой дверь.

Ширли направляется прямо ко мне. Я встаю, позволяю ей меня обнять. От неё пахнет домом: затхлым сигаретным дымом и лавандовым кондиционером для стирки. Я утыкаюсь лицом в её плечо, мечтая о том, чтобы целую неделю пролежать в кровати в подвале её дома.

Ещё я мечтаю о сигарете.

– Где Исайя?

Я очень благодарна тёте, но настроилась увидеть лучшего друга.

– Снаружи. Он позвонил мне сразу же, как только поговорил с тобой, – Ширли крепко прижимает меня к себе, потом отпускает. – Какой кошмар!

– Да уж. Ты видела маму?

Она кивает, потом наклоняется и шепчет мне на ухо:

– Твоя мать рассказала мне, что произошло на самом деле.

Мышцы вокруг моего рта застывают, я пытаюсь унять трясущуюся нижнюю губу.

– Что мне делать?

Ширли проводит ладонями вверх и вниз по моим рукам.

– Держись своей версии. Они привезли Трента и твою мать на допрос. Если ты не проболтаешься, они не смогут их арестовать. Но твоя мать жутко психует. Если ты всё расскажешь, они упекут её за решётку за порчу имущества и нарушение в период условного срока. Она очень боится попасть в тюрьму.

Как и я, но мама просто не выдержит заключения.

– А что будет со мной?

Тётушка роняет руки, отгораживается от меня столом. Теперь нас разделяет всего несколько шагов, но они ощущаются как пропасть размером с каньон. В прошлом месяце мне исполнилось семнадцать. До вчерашней ночи я чувствовала себя взрослой: очень старой и очень большой. Но теперь я этого не чувствую. Сейчас я ощущаю себя очень маленькой и одинокой.

– Ширли!

– У нас с твоим дядей нет денег на адвоката. Исайя, Ной и даже девушка Ноя предложили всё, что у них есть, но мы с твоим дядей не на шутку перепугались, когда копы сказали, будто ты замахивалась битой на Трента. А потом у нас появилась одна мысль.

Моё сердце камнем падает вниз, как будто кто-то откидывает под ним крышку люка.

– Что ты сделала?

– Я знаю, ты не хочешь иметь ничего общего с семьёй своего отца, но его брат Скотт – очень хороший человек. Оставил бейсбол, ушёл в бизнес. У него есть адвокат. Известный.

– Скотт? – у меня падает челюсть. – Но как... что...

Я начинаю задыхаться, пытаюсь уловить смысл в потоке слов, падающих из тётиного рта.

– Но это невозможно! Он уехал.

– Да, – медленно отвечает тётя. – Но в прошлом месяце он вернулся в свой родной город и позвонил мне, потому что искал тебя. Он хотел, чтобы ты жила с ним и его женой, но мы его послали. Когда он стал настаивать, твоя мать поговорила с ним и сказала, что ты в бегах.

Я чувствую, как у меня кривятся губы при одной мысли о том, что он где-то рядом.

– Хорошо придумали. Но зачем привлекать Скотта сейчас? Он нам не нужен. Мы сможем разобраться без него и его знаменитого адвоката!

– Копы сказали, что ты хотела ударить Трента битой, – повторяет Ширли, сцепляя пальцы рук. – Это очень серьёзно, и я подумала, что нам нужна помощь.

– Нет! Скажи, что ты это не сделала!

Я в аду. Или скоро там буду.

– Дорогая, мы бы непременно учли твоё желание держаться от него подальше, но когда всё это случилось... Короче, я ему позвонила. Послушай, он сейчас весь в шоколаде. Денег у него куры не клюют, но ему нужна ты.

Я смеюсь. Только это совсем не смешно. Ни капельки. Это самая печальная новость, которую я когда-либо слышала. Я падаю на стул, роняю голову на руки.

– Нет, не нужна.

– Он добился того, чтобы с тебя сняли все обвинения.

В голосе тёти нет и намёка на радость.

Я прячу лицо, не в силах посмотреть на неё и увидеть ту правду, которую она припасла для меня.

– Что ты сделала? – повторяю я.

Ширли опускается на колени рядом со мной, понижает голос.

– После того, как я позвонила твоему дяде Скотту, он приехал к твоей матери. И увидел то, что ему не следовало видеть. То, что может навредить твоей матери.

Я дёргаюсь в сторону, как будто меня ударило волной, в ушах раздаётся рёв океана. Мой мир с грохотом рушится вокруг меня. Он был в моей старой комнате. Мама запретила мне заходить туда после того, как я переехала к Ширли. С тех пор я там никогда не бывала. Есть вещи, о которых даже я не хочу ничего знать.

– Он ничего не рассказал полиции, – говорит Ширли.

Потрясённая её признанием, я осторожно выглядываю сквозь пальцы.

– Правда?

Ширли опускает уголки губ, потирает ладонью лоб.

– У твоей матери не было выбора. Он пришёл в участок со своим адвокатом и выдвинул требование: либо твоя мать передаёт ему право опеки, либо он рассказывает копам обо всём, что видел.

Тётя смотрит на меня в упор, её глаза бесстрастны.

– Она подписала документы. Теперь Скотт – твой законный опекун.

Райан

В спортивном комплексе есть душевые кабины, и после игры мне не нужно спешить домой. Вымывшись и переодевшись, я снова чувствую себя как в раю.

Все уже разъехались. Трибуны опустели. Ларёк закрыт. Со стоянки доносятся вопли Кенни Чесни¹², следовательно, Крис пропустил мимо ушей мои слова о том, что мы с ним увидимся позже. Крис по-настоящему хорошо делает три вещи: играет в бейсбол, любит свою девушку и знает, что мне нужно, лучше, чем я сам. Почти всегда.

Со стороны муниципального бассейна доносится восторженный детский визг, за которым сразу же следуют оглушительный плеск и звук трамплина. В этом бассейне мы с моим братом Марком проводили большую часть летних каникул. В остальное время мы играли в бейсбол.

Я стою на той же питчерской горке, только сейчас на мне синие джинсы и моя любимая футболка «Ред Сокс». Вечереющее небо меняет цвет с синего на жёлто-оранжевый. Жара спала, дует лёгкий южный ветер. Это моя любимая часть игры – одиночество после матча.

В крови у меня всё ещё бурлит восторг победы и успеха, ведь мною наконец-то заинтересовался агент. Лёгкие наполняются чистым кислородом, из мышц уходит напряжение, державшее меня в тонусе на протяжении всей игры. Я чувствую себя расслабленным, умиротворённым и живым.

Я смотрю на основную базу и мысленно вижу Логана, занявшего позицию, и баттера, отрабатывающего взмах. Мои пальцы сами собой сжимаются, будто я всё ещё стискиваю в руке мяч. Логан советует бросить кручёный, я соглашаюсь, но на этот раз...

– Я знала, что ты здесь.

Гвен в своих коричневых ковбойских сапогах и голубом платье проходит мимо ворот на скамейку запасных.

– Откуда? – спрашиваю я.

– Ты заперол тот кручёный.

Одним изящным движением она опускается на скамейку и хлопает ладошкой рядом с собой. Гвен, как всегда, играет. Чувствую, что проиграю, но ноги сами собой несут меня к ней.

Гвен выглядит хорошо. И даже лучше, чем хорошо. Прекрасно. Я сажусь рядом с ней в тот момент, когда она снова перекидывает через плечо свои белокурые локоны.

– Я помню, как однажды на этой скамейке ты растолковывал мне позиции в игре. Это был наш лучший разговор о бейсболе!

Я наклоняюсь вперёд, переплетаю пальцы рук.

– Наверное, ты прослушала добрую половину разговора, потому что я говорил не о бейсболе.

Гвен ослепительно улыбается.

– Я помню, но до сих пор с удовольствием вспоминаю демонстрационный момент.

Наши взгляды на мгновение встречаются, но я быстро отвожу глаза, чувствуя, как кровь медленно приливает к щекам. Гвен единственная, с кем у меня было нечто настоящее. Она всегда краснела, когда говорила о чём-нибудь, имеющем отношение к сексу, но сегодня всё не так. Накатывает тошнота. Чему же новому научил её Майк?

– Ты был на себя не похож во время игры.

Ткань её платья тихо шуршит, Гвен скрещивает ноги и слегка наклоняется в мою сторону. Теперь наши бёдра соприкасаются, вызывая жар. Интересно, она тоже это заметила?

– У тебя опять проблемы с отцом?

¹² Кенни Чесни (*Kenny Chesney*) – американский исполнитель кантри-музыки.

Сколько дней и вечеров мы с Гвен провели на этой скамейке? Она всегда знала, что, когда отец слишком давит на меня из-за судейства или у меня не идёт игра, я прихожу сюда, чтобы во всём разобраться.

– Нет.

– Тогда что не так?

Всё не так. Ссоры с родителями. Отсутствие Марка. Борьба за место в профессиональной лиге. Дружеские или недружеские отношения с Гвен. На какую-то долю мгновения мне хочется рассказать ей о Марке. Гвен, как и весь город, ничего об этом не знает. Я долго смотрю ей в глаза, пытаюсь отыскать там ту девушку, с которой я познакомился в девятом классе. Та Гвен меня бы не подвела. К сожалению, я очень быстро превратился в её любимую игрушку.

– Я не готов к твоим играм, Гвен.

Гвен поднимает руку, наматывает локон на палец. Блеск крупного красного камня на её кольце обрушивается на меня как удар ледоруба. Я отодвигаюсь, чтобы наши бёдра больше не соприкасались.

– Майк подарил тебе шикарное кольцо.

Она роняет руку, накрывает её другой ладонью, как будто, спрятав кольцо, заставит меня забыть о нём.

– Да, – тихо отвечает она. – Вчера вечером.

– Поздравляю.

Я хотел бы сказать это ещё более гневно.

– А что мне оставалось делать?

– Не знаю, – с каждым словом я говорю всё громче. – Для начала не заигрывать здесь со мной.

Она пропускает моё замечание мимо ушей, но её голос становится резче.

– Майк – хороший парень, и он всегда рядом. Он никуда не пропадает, и у него нет тысячи разных обязательств, как у тебя!

Сколько бы мы с Гвен ни расставались в прошлом, мы никогда не ссорились. Никогда не повышали друг на друга голос. Раньше я бы никогда не стал на неё орать, но сегодня мне хочется только это.

– Я говорил, что люблю тебя! Что ещё тебе было надо?

– Быть на первом месте. А у тебя там всегда был бейсбол! Боже мой! Нет, неужели нужно было объяснить ещё понятнее? Я же бросила тебя в начале нового сезона!

Я встаю, потому что больше не могу сидеть рядом с ней. Как объяснить мне ещё понятнее? Наверное, с картинками и подробными инструкциями!

– Ты могла бы сказать мне о том, что чувствовала.

– А что бы это изменило? Ты бы бросил бейсбол?

Вцепляюсь руками в ограду, смотрю на поле. Как она может задавать такой вопрос? С какой стати девушка должна требовать от парня отказаться от того, что он любит? Гвен снова играет, и я принимаю решение сделать подачу, которая завершит этот иннинг.

– Нет.

Слышу, как она резко втягивает в себя воздух, и чувство вины за то, что я сделал ей больно, бьёт меня в живот.

– Но ведь это всего лишь бейсбол! – бросает Гвен.

Как заставить её понять? Вот за оградой ухоженное зелёное поле и протоптанные дорожки, ведущие к четырём базам. Только здесь я чувствую себя на своём месте.

– Бейсбол – не просто игра. Это запах попкорна, плывущий в воздухе, это стаи жуков, кружащих в свете прожекторов, и неровность земли под бутсами. Это ожидание, нарастающее в груди при звуках гимна, выброс адреналина во время удара биты по мячу и огонь в крови,

когда судья объявляет страйк после твоей подачи. Это команда парней, чутко сопровождающих каждое твоё движение, и трибуны, подбадривающие тебя. Это... это жизнь.

Громкие аплодисменты справа заставляют меня вздрогнуть от неожиданности. Я поворачиваюсь и вижу мою преподавательницу английского, розововолосую и в розовом парео поверх купальника.

– Да ты поэт, Райан.

Мы с Гвен обмениваемся выразительными взглядами с подтекстом «какого чёрта» и снова поворачиваемся к миссис Роув.

– Что вы здесь делаете? – спрашиваю я.

Она приподнимает свою пляжную сумку, встряхивает перед моим носом.

– Бассейн закрылся. Я шла мимо, увидела вас с мисс Гарднер и решила напомнить, что в понедельник жду от вас эссе.

Гвен со стуком опускает ноги на землю. Месяц назад миссис Роув попыталась испортить всем каникулы, дав задание на лето.

– Мне не терпится прочитать ваши работы, – как ни в чём не бывало продолжает она. – Полагаю, вы уже закончили?

Даже не начинал.

Гвен стоит рядом, крутит кольцо Майка на пальце.

– Ну, мне пора.

И уходит, не сказав больше ни слова. Я глубже засовываю руки в карманы и раскачиваюсь на пятках, ожидая, когда миссис Роув последует за Гвен. Мне нужно завершить мой ритуал.

Но миссис Роув прислоняется плечом к кабинке запасных с таким видом, будто и не думает уходить.

– Я не смеялась над твоими словами, Райан. В прошлом году на моих уроках ты продемонстрировал незаурядный талант. С учётом того, что я сегодня услышала, можно с уверенностью сказать, что у тебя есть писательская жилка.

Я фыркаю. Спору нет, её уроки будут интереснее, чем математика, но...

– Я бейсболист.

– О да, и, насколько мне известно, лучший из лучших, но кто сказал, что одно другому противоречит?

Миссис Роув вечно рыщет в поисках тех, кого можно обратить в книголюбов. В прошлом году она даже основала литературный клуб. Как вы понимаете, моего имени нет в списке членов.

– Меня друг ждёт.

Она бросает косой взгляд на пикап Криса.

– Будь добр, передай мистеру Джонсу, что его письменную работу я также жду в понедельник.

– Обязательно.

Я снова жду, когда она уйдёт. А она снова не уходит. Просто стоит, и всё тут. Сгорая от смущения, я невнятно прощаюсь и иду на парковку.

По дороге я пытаюсь избавиться от раздражения, царапающего шею, но не могу. Это время в одиночестве на горке – мой священный ритуал. Необходимость. Долг. Мама называет это суеверием. Пусть называет как угодно, мне всё равно, но, чтобы выиграть следующую игру, я должен постоять на горке – в полном одиночестве – и понять, как и почему я ошибся с тем кручёным мячом.

Если я этого не сделаю, жди неприятностей. С командой. С подачей. Или с моей жизнью.

Крис сидит в своём стареньком чёрном «форде», откинув голову назад и прикрыв глаза. Водительская дверь распахнута настежь. Крис вкалывал как проклятый ради этого пикапа.

Целое лето пахал на дедовом кукурузном поле ради ржавой развалюхи, которую болтает из стороны в сторону, когда мы едем всемером.

– Я же сказал тебе ехать домой.

Он не открывает глаз.

– А я сказал тебе выбросить из головы тот неудачный бросок.

– Уже выбросил.

Мы оба знаем, что это неправда.

Крис оживает, закрывает дверь, включает двигатель.

– Залезай. Мы едем на вечеринку, там ты мигом обо всём забудешь.

– Я сам доеду, – я киваю на свой джип, припаркованный рядом с пикапом.

– Я намерен сделать всё, чтобы после вечеринки ты был не в состоянии сесть за руль, – он несколько раз газует, чтобы двигатель не заглох. – Поехали.

Бет

Я выхожу из туалета, и офицер Монро в тот же миг отрывается от стены.

– Бет.

Я не хочу с ним разговаривать, но меня ни капли не радует перспектива воссоединения с давно потерянным дядюшкой. Поэтому я приостанавливаюсь, скрестив руки на груди.

– Я думала, меня отпустили.

– Да, – офицер Монро виртуозно натренировался копировать щенячий взгляд Джонни Деппа. – Когда будешь готова рассказать о том, что произошло прошлой ночью, просто позвони мне, – он протягивает мне свою визитку.

Не бывать этому. Я лучше умру, чем отправлю маму за решётку. Я прохожу мимо Монро, слегка задев его плечом, и выхожу в вестибюль. Ослепительное солнце светит сквозь окна и стеклянные двери, бьёт по глазам. Проморгавшись, вижу Исайю, Ноя и Эхо. Исайя вскакивает с места, но Ной кладёт ему руку на плечо и что-то шепчет, кивая куда-то влево. Исайя застывает на месте. Его светло-серые глаза умоляют меня подойти. Я очень этого хочу. Больше всего на свете.

Два человека встают и загораживают от меня Исайю, в груди становится больно. Мама. Она, как потерянная маленькая обезьянка, цепляется за своего ублюдочного друга. В её глазах отчаяние. Она втягивает щёки, как будто пытается сдержать слёзы. Этот подонок втянул мою маму в свою мерзкую, пакостную жизнь. Богом клянусь, я вытащу её оттуда!

Трент тащит маму к выходу. «Ничего ещё не закончилось, ублюдок. И не надейся».

Я хочу подойти к Исайе, но вдруг слышу:

– Привет, Элизабет.

Дрожь пробегает по моей спине. Этот голос так похож на голос моего отца.

Я поворачиваюсь лицом к человеку, мечтающему разрушить мою жизнь. Он и внешне очень похож на моего отца: высокий, темноволосый, синеглазый. Главное отличие в том, что у Скотта атлетическое телосложение, а мой отец весь высох от амфетаминов.

– Оставь меня в покое.

Он бросает беглый осуждающий взгляд на Исайю.

– Мне кажется, тебя непростительно долго оставляли в покое.

– Не прикидывайся, будто тебе есть до этого дело! Будто я не знаю цену твоим обещаниям!

– Почему бы нам не пойти отсюда, раз уж тебя освободили? Мы сможем спокойно обсудить всё дома.

Скотт берёт меня за руку и остаётся бесстрастным, когда я вырываюсь.

– Я никуда с тобой не пойду!

– Нет, – возражает он своим бесящим спокойным голосом, – пойдёшь.

У меня напрягается спина, как у шипящей от бешенства кошки.

– Ты будешь указывать мне, что делать?

Тёплые пальцы обхватывают моё запястье, несильно тянут влево. Исайя склоняется надо мной и тихо шепчет:

– Ты не забыла, что находишься в полицейском участке?

Я украдкой оглядываюсь и замечаю офицера Монро, который вместе с ещё одним копом внимательно наблюдает за нашим неординарным семейным воссоединением. Мой дядя с любопытством разглядывает меня и Исайю, однако не вмешивается.

Я до краёв наполнена гневом, яростью. Она заполняет мои лёгкие, бурлит в крови. А Исайя, значит, стоит тут и советует мне сдержаться? Я должна выплеснуть всё это, иначе меня разорвёт изнутри!

– Чего ты от меня хочешь?

И Исаяя делает нечто такое, чего раньше никогда не делал. Дотрагивается рукой до моей щеки. Ладонь у него тёплая, сильная и надёжная. Я прижимаюсь к ней, и мой гнев испаряется от этого простого прикосновения. Часть меня возмущена тем, как легко я остываю. Но мне плевать. Я эмоционально истощена.

– Выслушай меня, – шепчет Исаяя. – Поезжай с ним.

– Но...

– Богом клянусь, я о тебе позабочусь, но я не могу сделать это здесь и сейчас! Иди с ним и жди меня. Ты поняла?

Я киваю, когда до меня наконец доходит, что он пытается сказать мне без слов. Он замной придёт. Надежда брезжит сквозь пустоту, я прячусь под защиту надёжных рук Исаяи, и мы крепко прижимаемся друг к другу.

Райан

На заднем поле, которое граничит сразу с тремя фермами, уже вовсю гудит вечеринка. Обожаю вечеринки. Там всегда много девушек, которые пьют пиво и танцуют, и парней, которые мечтают переспать с девушками, которые пьют пиво и танцуют.

Сегодня Лейси хочется танцевать, Крис – отвертеться от танцев, я до сих пор никак не отойду после облома со Скейтершей, а Логан, как всегда, готов на любой дебош. Через десять минут Лейси уже танцует, а мы втроём затеваем новый спор, то есть это я затеваю. Вчера вечером я проиграл, а я никогда не проигрываю. Крис и Логан соглашаются за компанию.

– Эту ни за что не вытянуть.

Крис идёт рядом со мной к машинам, припаркованным ровной шеренгой. Полная луна заливает поле серебристым светом, в воздухе пахнет костром.

– Ты просто лишён воображения.

К счастью, я наделён им в избытке, поэтому сразу вспоминаю о парнях, которые будут рады подучиться вместе с нами.

– Прикольно, – говорит Логан, когда я направляюсь к компании защитников-лайнбеков, устроившихся в стороне.

У Тима Ричардсона гигантский пикап, гроза окружающей среды, – это и хорошо, потому что каждый из четверых парней, сидящих на раскладных стульях в кузове, весит не меньше 275 фунтов. Тим вытаскивает банку пива из переносного холодильника, протягивает мне.

– Проблемы, Рай?

– Да нет, – я ставлю холодную банку на задний откидной борт кузова. Пока никакой выпивки. У меня есть дело. – А почему вы не там, что-то не так?

Пикап Тима – одна из немногих машин, которые могут перебраться через гору на заднее поле.

– Там одна девчонка дико злится на меня, – признаётся Тим, понизив голос. – Как увидит меня, так просто не может держать язык за зубами.

Логан фыркает, а Крис отвешивает ему подзатыльник. «Злится» – это, конечно, очень мягко сказано. В школе болтают, будто бывшая Тима застукала его обжимающимся с её сестрой-близняшкой. Тим бросает грозный взгляд на Логана, потом снова смотрит на меня.

– Как твой брат? Команда на него в обиде. Он обещал поработать с нами на летних тренировках, когда вернётся домой из колледжа.

Я ненавижу эти расспросы, поэтому меняю позу и засовываю руки в карманы. Отец ясно сказал: мы не должны никому говорить о том, что случилось с Марком.

– Он очень занят, – чтобы сменить тему, я поскорей перехожу к делу. – Парни, вы не могли бы помочь мне... кое в чём?

Тим подаётся вперёд, его напарник хихикает.

– Ну, о чём поспорили на этот раз?

Я мотаю головой, будто хочу попросить их о сущей ерунде.

– Да ничего особенного. Поспорили с Риком, что переставим его тачку.

Тим пожимает плечами, потому что это в самом деле ерунда.

– Без ключа, – вставляет Крис.

Тим опускает голову, его грудь гудит от гулкого, раскатистого хохота.

– Вы психи, все трое – вы в курсе?

– Сказал парень, который тратит жизнь на то, чтобы отбирать мячик у других парней, – парирую я. – Ну что, поможете или как?

Тим встаёт, и складной стул поднимается вместе с ним. Когда Тим становится в полный рост, стул с громким лязганьем падает на дно кузова.

– Пошли.

Скрюченные пальцы беспомощно стискивают металл, спину и бёдра ломит от боли. Семеро парней, одна машина весом в 2400¹³ фунтов и всего один дюйм до победы.

– На счёт три, – выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. – Раз...

– Три-и-и! – орёт Логан, я едва успеваю отцепить пальцы от бампера двудверного «Шевроле Авео», и шестеро парней роняют машину на землю. Корпус голубого автомобиля не сразу застывает, покачиваясь.

– Красота! – говорит Логан.

Моя футболка промокла от пота. Хватая ртом воздух, я наклоняюсь и упираюсь ладонями в колени. Восторг победы огнём пробегает по жилам, я хохочу во всё горло.

Логан любит нашу работу.

– Шесть футов в сторону и идеальная параллельная парковка между двумя деревьями!

«Идеальная» означает, что «шевроле» упирается передним и задним бамперами в кору.

Грудь Тима вздымается так, будто у него инфаркт.

– Ты всё-таки ненормальный, Рай, – выдох. – Как, по-твоему, Рик высвобождает отсюда свою железяку?

– Мы с Крисом и Логаном будем здесь. Как только Рик перестанет психовать, мы поднимем зад машины и подтолкнём, чтобы он смог выбраться.

Тим оглушительно хохочет, трясая головой.

– Ладно, увидимся в школе в понедельник.

– Спасибо, чувак.

– Обращайся! Пошли, парни. Я хочу пива.

Я сажусь на землю, прислоняюсь к дереву рядом с бампером. Крис медленно сползает по пассажирской двери, пока не шлёпается задом на землю. Мы оба смотрим на Логана, ожидая, что он присоединится к нам, но он продолжает внимательно изучать два дуба, между которыми зажата машина нашего третьего бейсмена.

В любой компании, куда не входим мы с Крисом и Лейси, Логан славится своим молчанием и постоянно скучающим видом. В данный момент этот якобы пресыщенный молчун в полном восторге, как младенец, дорвавшийся до сладкого. Забавно: в школе у меня репутация адреналинового наркомана из-за моего пристрастия к крутым спорам. Эй, люди, да я не гонюсь за кайфом – я просто люблю выигрывать. Зато Логан, наоборот, заводится от процесса. Обожаю таких, как он.

Не только я заметил нездоровый интерес Логана к дереву. Крис настороженно смотрит на него.

– Какого чёрта ты задумал, молодой?

Логан подмигивает мне.

– Сейчас вернусь, босс.

Он лезет на дуб. Мелкие сухие сучья ломаются под его весом и падают сквозь ветки на землю.

Крис нервничает. Он ни за что не признается, но его до смерти пугает высота, а ненормальное бесстрашие Логана – ещё больше.

– Вернись немедленно, мерзавец!

– Ага, сейчас, – отзывается Логан откуда-то сверху.

Я качаю головой.

– Зря ты это сказал.

¹³ 1088,62 кг.

Сверху доносятся треск веток, скрип и шорох листвы, как будто дерево треплет сильный ветер. Но это не ветер. Это Логан, и однажды он точно сломает себе шею. Взлетает фонтан пыли, следом раздаётся удар о землю. Логан шлёпается мне на ногу. Лёжа на спине, с волосами, усеянными крошечками листвы, он корчится от хохота. Видимо, сегодня сломать шею ему не суждено. Логан поворачивает голову, смотрит на Криса.

– Ну вот.

Я изо всей силы пинаю Логана и вытаскиваю свою ногу из-под его задницы.

– Это ты псих, а не я!

– Я псих? – Логан перекачивается на бок, садится. – Нет, это не я побежал за ненормальной девчонкой на парковку ради телефончика. Эти парни могли хорошенько тебя отделать. – Чёрт. А я-то надеялся, что они забыли.

– Я бы мог с ними помахаться.

Разумеется, я бы неслабо огрёб, но и им бы оставил пару синяков на память. Двое на одного – плохой расклад.

– Не стоило, – отвечает Логан.

– Кстати, раз уж такой разговор зашёл, – Крис стаскивает бейсболку, прижимает её к сердцу, – хочу обратить ваше внимание: я выиграл.

– А я выиграл сегодня. Так что мы опять квиты.

Крис снова натягивает кепку.

– Сегодня не считается.

Он прав. Не считается. Мы учитываем только те пари, которые заключаем друг с другом.

– Ладно, порадуйся пока. Скоро я снова тебя обставлю.

Мы замолкаем, и это здорово. Нам легко молчать. В отличие от девчонок, парням не нужно постоянно болтать. Время от времени до нас доносятся хохот и шум вечеринки. Крис периодически обменивается эсэмэсками с Лейси. Он с удовольствием даёт ей свободу, но не доверяет пьяным парням, выющим вокруг его девушки.

Логан играет длинной веткой, упавшей на землю.

– Сегодня утром мы с отцом ездили в Лексингтон, посмотрели университет Кентукки.

Я задерживаю дыхание в надежде, что разговор не повернёт в ненужную сторону. Логан давным-давно планировал эту поездку. Он у нас чёртов гений, через год за него будут драться все универы, включая кентуккийский.

– Ну и как?

– Видел Марка.

Я потираю затылок, пытаюсь прогнать ноющую боль внутри.

– И как он?

– Отлично. Спрашивал о тебе, о твоей матери, – он делает паузу, выжидает. – И об отце.

– У него всё отлично? Кто бы мог подумать!

– Только не обижайся, но это было немного странно. Ты же знаешь, я нормально отношусь к твоему брату и к его выбору, но мне совсем не хочется играть роль вашего семейного психотерапевта, тем более что Марк был не один.

– Не один, – эхом повторяю я.

– Ага, – подтверждает Логан. – Наверное, со своим парнем.

Чувствую, как у меня сводит внутри – обычно это бывает только во время игры. Я прижимаю колени к груди, опускаю голову.

– С чего ты взял, что это его парень?

Логан морщится.

– Да не знаю. Просто он стоял вместе с другим парнем.

– Может, это был его друг, – встречается Крис. – Или этот парень был похож на гея?

– Марк тоже не похож на гея, придурок, – бросает Логан. – Кто бы мог подумать, что защитник-лайнбекер окажется таким? Да, тот парень вполне мог быть натуралом, доволен? Я почём знаю?

Слушать, как они препираются по поводу возможной гомосексуальности приятеля моего брата-гомосексуала примерно так же приятно, как снова и снова уверять мою мать, что я предпочитаю девушек и их отличительные признаки. Ничто не заставляет задуматься о будущих годах психотерапии так настойчиво, как необходимость произносить вслух слово «грудь» перед матерью.

– Слушайте, может, сменим тему?

Я подумываю вернуться к пикапу Тима и забрать ту банку пива. Честно говоря, я надирался в хлам всего два раза в жизни. Первый раз, когда Марк сообщил семье о том, что он гей. А второй – когда отец после этого заявления выгнал его из дома. Между этими событиями прошло всего три дня. Получил следующие уроки: никогда не рассказывай папе о своей гомосексуальности и не надейся, что правда перестанет быть правдой оттого, что ты напился. Наутро будет раскалываться голова, только и всего.

Логан с громким хрустом переламывает ветку. Он собирается с силами, а значит, сейчас мне предстоит услышать нечто невыносимое.

– Марк говорил загадками, но сказал, что ты всё поймёшь. Он сказал, что не смог прийти, но надеется, что ты поймёшь, почему.

Шея деревенеет. Брату даже не хватило смелости сказать мне это самому. На прошлой неделе я отправил ему СМС. Грубо нарушил родительский запрет и написал ему. Я попросил его приехать домой на завтрашний ужин, а он мне даже не ответил. Отвертелся, как трус, спрятался за спиной Логана.

Этим летом отец поставил ультиматум: если Марк предпочитает парней, он больше не может считаться членом нашей семьи. Марк взял и ушёл, прекрасно понимая, что делает... Бросает маму, бросает меня. Он даже не попытался остаться дома и побороться за то, чтобы сохранить нашу семью.

– Он свой выбор сделал.

– Он скучает по тебе, – понизив голос, говорит Логан.

– Он ушёл, – огрызаюсь я.

Пиная чёрную шину автомобиля. Злюсь. Злюсь на отца. На Марка. На самого себя. На те три дня, в течение которых Марк говорил со мной. Он снова и снова повторял одно и то же. Говорил, что он всё тот же Марк. Мой брат. Мамин сын. Он рассказывал мне, как мучился несколько лет, мечтая стать таким, как я. Таким, как наш отец.

Но когда я попросил его остаться, попросил настоять на своём... он просто ушёл. Сложил своё барахло и ушёл, оставив за порогом меня и нашу разрушенную семью.

– Хватит серьёзных разговоров, – говорит Крис. – Мы сегодня выиграли. Мы победили в весеннем и осеннем сезонах! Мы окончим школу победителями, а потом Райан уйдёт в профессионалы.

– Аминь, – завершает Логан.

Их бы слова да Богу в уши, но порой Господь предпочитает не слышать.

– Не факт. Сегодняшний агент запросто может оказаться однодневкой. На следующей неделе он найдёт новый объект восхищения и сделает мне ручкой.

Будто я не знаю, как это бывает! Достаточно вспомнить отборочные игры этой весной.

– Фигня, – заявляет Крис. – Сама судьба постучалась в твою дверь, Рай, так что подними задницу и открой ей!

Бет

Я уснула. Или мой добрый старый дядюшка Скотт накачал меня чем-нибудь. Нет, скорее всего, просто уснула. Скотт, конечно, тот ещё подонок, но он подонок с принципами: никаких наркотиков детям и всё такое. Мне ли не знать?! Однажды он приволок в мой детский сад красные ленты¹⁴ и куклу полицейского в полный рост.

Какая ирония!

Лунный свет пробивается сквозь белые кружевные занавески, висящие на вычурном коричневом карнизе. Я сажусь, розовый вязаный плед падает вниз. Подо мной идеально заправленная кровать, я одета в ту же одежду, которая была на мне вечером в пятницу. Кто-то аккуратно поставил мои ботинки на деревянном полу рядом с кроватью. Я бы этого не сделала, находясь даже в твёрдой памяти. Я вообще ничего не делаю аккуратно.

Наклоняюсь, включаю лампу. Тихонько звякают стеклянные висюльки, болтающиеся под абажуром. В тусклом свете в глаза сразу бросается душераздирающе весёленькая розовая краска на стенах. Закрываю глаза, подсчитываю дни. Так, посмотрим. В пятницу вечером я гуляла с Исайей и Ноем и поставила на место красавчика из «Тако Белл». Утром в субботу мама чуть не угодила в тюрьму. В субботу днём Скотт разрушил мою жизнь.

В машине я притворилась спящей, чтобы не разговаривать со Скоттом, но расслабилась и уснула по-настоящему. Видимо, Скотт разбудил меня и перенёс в дом. Вот чёрт. Написала бы себе сразу на лбу: я лузер, помогите кто-нибудь.

Открываю глаза, смотрю на часы, стоящие на прикроватной тумбочке. Пятнадцать минут первого. Воскресенье. Начало воскресенья.

В животе урчит. Я же целый день ничего не ела. Впрочем, не в первый раз. И не в последний. Вылезаю из постели, всовываю ноги в свои псевдоконверсы. Настало время душевного разговора с дядюшкой Скоттом. Если, конечно, он ещё не спит. Хорошо бы, он уже лёг. Тогда можно будет просто сбежать, тихо и без скандала.

Может быть, я добуду что-нибудь поесть, прежде чем звонить Исае. Судя по этой комнате, дядюшка должен покупать фирменные хлопья.

В доме чувствовался ни с чем не сравнимый запах новой постройки и свежих опилок. За дверью спальни оказался не коридор, а просторный холл. Гигантская лестница – до сих пор я думала, что такие бывают только в кино, – поднимается на второй этаж. С потолка свисает современная люстра. Похоже, бейсболистам неплохо платят.

– Нет...

Женский голос доносится откуда-то из глубины дома. Я слышу, что она продолжает говорить, но уже гораздо тише. Он женился или продолжает бросаться на всё, что движется, как было во времена моего детства? Скорее всего, второе. Я однажды подслушала, как Скотт говорил моему отцу, что никогда не женится.

Иду на звук приглушённых голосов и застываю на пороге огромной гостиной. Вся задняя стена дома – простите, особняка – представляет собой одно огромное окно. Гостиная переходит прямо в кухню.

– Скотт! – в голосе женщины слышится остервенение. – Я на это не подписывалась!

– Месяц назад ты со всем согласилась, – говорит Скотт.

Я чувствую себя отчасти отомщённой. Наконец-то он утратил свою бесящую непрошибаемую невозмутимость!

– Да, но ты сказал мне только, что хочешь снова наладить отношения с племянницей. Согласись, есть разница между налаживанием отношений и вторжением в нашу жизнь!

¹⁴ Красная лента – символ борьбы с употреблением наркотиков; в американских школах проводятся недели красной ленты.

– Ты не возражала, когда в прошлом месяце я позвонил из Луисвилла и сказал, что хочу забрать её к нам.

– Это было после того, как ты сказал, что она сбежала! – огрызается женщина. – Я же не думала, что ты её найдёшь! Когда ты рассказал, в каком гадюшнике она живёт, я решила, что она пропала с концами. Она же преступница! Неужели ты думаешь, что я могу чувствовать себя в безопасности, живя с ней под одной крышей?

Её слова переворачивают всё у меня внутри. Я не такая плохая! Нет, конечно, я не лапочка, но и не такая плохая. Опускаю глаза, осматриваю себя. Джинсы. Майка без рукавов. Чёрные волосы падают на лицо. Какая разница?! Эта женщина ещё не видела меня, а уже решила для себя, кто я есть. Проглотив обиду, я вхожу в комнату и даю волю своему гневу. Да пошла она.

– На твоём месте я бы к ней прислушалась. Я дико опасная.

Увидев их перекошенные лица, я почти перестаю жалеть, что оказалась здесь. Почти. Поджимаю губы, чтобы не расхохотаться над Скоттом. На нём брюки-чинос и рубашка с короткими рукавами. Полная противоположность тому, что он носил во времена моего детства: обычно это были рваные джинсы, из которых торчали трусы.

Женщина совершенно не похожа на девушек, с которыми Скотт встречался в восемнадцать лет. Натуральная блондинка, не крашенная. Худая, но это не измождённая алкоголическая сухощавость, и выглядит неглупой. Неглупой настолько, что, наверное, смогла окончить среднюю школу.

Она сидит перед большим островом посреди кухни. Скотт облокотился на стойку перед ней. Он бросает быстрый взгляд на женщину, потом обращается ко мне.

– Уже поздно, Элизабет. Иди-ка спать, а утром поговорим.

У меня сводит живот, головокружение лёгкой волной обволакивает мозг.

– У тебя есть что-нибудь поесть?

Он выпрямляется.

– Да. Что тебе сделать? Яичницу?

Раньше Скотт каждое утро готовил мне яичницу. Яйца – продукт, одобренный программой обеспечения дополнительным питанием для женщин и детей раннего возраста. Это воспоминание причиняет боль и в то же время вызывает новую волну тёплой дурноты.

– Ненавижу яйца.

– О!

О! Я смотрю, он мастер поддержать разговор.

– Хлопья у тебя есть?

– Конечно.

Он уходит в кладовую, а я плюхаюсь на табурет перед кухонным островом, выбрав место подальше от девушки Скотта. Она уставилась в одну точку прямо передо мной. Ха. Смешно. На расстоянии вытянутой руки от меня – деревянная подставка с арсеналом мясницких ножей. Могу представить, какие мысли проносятся в её гладком мозгу с одной извилиной.

Скотт ставит передо мной коробки с «чериос», «брэн флейкс» и «шреддед вит».

– Ты издеваешься, твою мать?

Где «лаки чармс», чёрт возьми?

– Какая богатая речь, – замечает женщина.

– Спасибо, – отвечаю.

– Это не был комплимент.

– Думаешь, мне не по фиг?

Скотт подаёт мне тарелку и ложку, отходит к холодильнику за молоком.

– Давайте успокоимся.

Я выбираю «чериос» и лью молоко до тех пор, пока несколько румяных колечек не выплёскиваются на стойку. Скотт садится рядом со мной, они оба в тишине разглядывают меня. Впрочем, какая тут тишина. Мой хруст по громкости может соперничать с ядерным взрывом.

– Скотт говорил мне, что ты блондинка, – произносит женщина.

Я глотаю, хотя это не так просто сделать, когда горло сжимается. Маленькая светловолосая девочка, которой я была когда-то, умерла много лет назад, и я ненавижу думать о ней. Она была милая. Она была счастливая. Она была... я не хочу о ней вспоминать.

– Почему у тебя чёрные волосы?

Садовые украшения, виднеющиеся за стеклом, определённо становятся невыносимо назойливыми.

– А ты вообще кто? – спрашиваю я.

– Это моя жена, Эллисон.

Колечко «чериос» застревает у меня в горле, я давлюсь и кашляю в кулак.

– Ты женат?

– Уже два года, – отвечает Скотт.

Тьфу. Он слащаво переглядывается с ней, совсем как Ной с Эхо.

Я отправляю в рот очередную ложку хлопьев.

– Сейчас доем, – хрум-хрум-хрум, – и пойду домой.

– Теперь твой дом здесь.

Опять этот спокойный тон!

– Ни фиги.

Взгляд Эллисон мечется между мной и ножами. Правильно мыслишь, дамочка. За пару часов, проведённых в тюрьме, я проделала путь от разрушительницы чужой собственности до социопатки.

– Может, тебе стоит к ней прислушаться? – спрашивает она.

– Ага, – поддакиваю я с полным ртом, – тебе точно стоит ко мне прислушаться. Твоя жена опасается, что я типа выступлю в стиле Мэнсона¹⁵ и перережу ей глотку, когда она уснёт. – Я улыбаюсь ей в лицо для закрепления эффекта.

Кровь отливает от её лица. Иногда я обожаю быть самой собой.

Скотт окидывает меня быстрым взглядом: начинает с чёрных волос, потом переходит к чёрному лаку на ногтях, к кольцу в носу и заканчивает одеждой. После этого он поворачивается к своей *жене*.

– Ты не могла бы ненадолго оставить нас?

Эллисон выходит, не сказав ни слова. Я загружаю в себя одну порцию хлопьев и нарочно говорю с полным ртом.

– Тебе пришлось покупать для неё строгий ошейник или он был в комплекте?

– Не надо говорить неуважительно о моей жене, Элизабет.

– Что хочу, то, блин, и делаю, дядюшка Скотт! – я пародирую его вальяжный тон. – Потерпи, сейчас я доем эти дурацкие хлопья, позвоню Исайе и свалю домой.

Он молчит. Я – хрум-хрум-хрум.

– Что с тобой случилось? – ласково спрашивает он.

Я проглатываю всё, что у меня во рту, кладу ложку и отодвигаю от себя полупустую тарелку.

– А ты как думаешь?

Скотт – мастер долгих пауз.

¹⁵ Чарльз Миллз Мэнсон – американский убийца, лидер коммуны «Семья», члены которой в 1969 году совершили серию жестоких убийств.

– Когда он ушёл?

Не нужно быть телепатом, чтобы догадаться, что Скотт спрашивает о своём придурочном брате. Чёрный лак на моих ногтях облупился по краям. Я соскребаю его ещё больше. Прошло восемь лет, а мне до сих пор тяжело об этом говорить.

– Когда я была в третьем классе.

Скотт меняет позу.

– А мама?

– Слетела с катушек, как только он ушёл.

Это должно произвести на него впечатление, поскольку мою маму и до ухода отца вряд ли можно было назвать образцом идеальной матери.

– Что у них случилось?

Не твоё дело.

– Ты не приехал за мной, как обещал.

И перестал звонить после того, как мне исполнилось восемь. Холодильник вздрагивает. Я соскребаю ещё немного лака. Скотт проникается осознанием того, какой он урод.

– Элизабет...

– Бет, – перебиваю я. – Я предпочитаю Бет. Где твой телефон? Я еду домой.

Копы забрали мой сотовый и отдали его Скотту. Когда мы ехали в машине, он сказал, что выбросил его в урну, потому что мне «больше не нужны контакты с прошлой жизнью».

– Тебе недавно исполнилось семнадцать.

– Неужели? Ну и ну, а я и забыла. Наверное, потому что никто не догадался устроить мне праздник.

Он пропускает мои слова мимо ушей и продолжает:

– На этой неделе адвокаты юридически оформят мою официальную опеку над тобой. До тех пор, пока тебе не исполнится восемнадцать, ты будешь жить в этом доме и подчиняться моим правилам.

Отлично. Раз он не даёт мне телефон, я сама его найду. Я вскакиваю со стула.

– Мне уже не шесть лет, и ты больше не центр моей вселенной! Ты вообще чёрная дыра!

– Я уже понял, что ты злишься из-за того, что я уехал...

Злюсь?

– Нет, я не злюсь. Тебя просто больше нет. Ты мне по фиг, так что дай мне побыстрее долбанный телефон, чтоб я могла уехать домой.

– Элизабет...

Нет, он не понимает. Ну и фиг с ним.

– Иди к чёрту.

В кухне телефона нет.

– Ты должна понять...

Я выхожу в его охренительную гостиную с охренительной кожаной мебелью и продолжаю искать его охренительный телефон.

– Засунь себе в задницу всё, что хочешь сказать.

– Я просто хочу сказать...

Я поднимаю руку и изображаю пальцами хлопающую пасть.

– Бла-бла-бла, Элизабет, меня не будет всего пару месяцев. Бла-бла-бла, Элизабет, я зарабатываю столько денег, что смогу вытащить нас обоих из Гровтона. Бла-бла-бла, Элизабет, ты никогда не будешь расти так, как я. Бла-бла-бла, Элизабет, я позабочусь о том, чтобы ты, мать твою, никогда не голодала!

– Мне было восемнадцать.

– Мне было шесть!

– Я не был твоим отцом!

Я всплёскиваю руками.

– Нет, не был. Просто была надежда, что ты будешь лучше! Поздравляю, из тебя вышла отличная копия своего никчёмного братца. Ладно, где этот долбанный телефон?

Скотт грохает обеими руками по стойке и орёт:

– Сядь, чёрт тебя возьми, и заткнись, твою мать!

Внутри я вся сжимаюсь, но годы жизни с маминым уродом-бойфрендом научили меня не показывать этого.

– Ого! Как говорится, можно вывезти мальчика из трейлерного парка и переодеть его в форму Главной лиги, но нельзя вывести трейлерный парк из мальчика.

Он делает глубокий вдох, закрывает глаза.

– Прости. Сорвалось.

– Проехали. Где телефон?

Ной однажды сказал, что у меня есть талант на грани суперзлодейства – умение доводить людей до иступления. Судя по тому, как Скотт делает ещё один прерывистый вздох и потирает лоб, на этот раз я крепко его приложила. Вот и славно.

Теперь Скотт опять говорит тем же противным спокойным тоном, но я отлично слышу пробивающееся раздражение.

– Хочешь говорить на языке трейлерного парка – изволь. Или ты будешь жить в моём доме и по моим правилам, или я отправляю твою мать в тюрьму.

– Это я разбила окна в той машине. Я, а не моя мать. У тебя ничего на неё нет.

Скотт прищуривает глаза.

– Хочешь поговорить о квартире твоей матери?

Меня бросает в сторону, кровь отливает от лица, перед глазами всё плывёт, я ощущаю покалывание во всём теле. Ширли меня предупреждала, но услышать это от него – совсем другое дело. Скотт знает то, чего я не хочу знать, – мамину тайну.

– Не доводи дело до того, чтобы я рассказал об этом в полиции.

Я пячусь назад, пытаюсь устоять на ногах. Натыкаюсь на кофейный столик. Сажусь; я проиграла. Телефон лежит прямо передо мной, но, как бы мне ни хотелось, я не притрагиваюсь к нему. Скотт меня победил. Этот сукин сын обменял мамину свободу на мою жизнь.

Райан

Я прислоняюсь к закрытому борту отцовского пикапа и слушаю, как в трёх метрах отсюда мой отец во всех подробностях пересказывает группке мужчин, ошивающихся перед парикмахерской, нашу вчерашнюю встречу с агентом. Некоторые из них уже слышали эту историю сегодня утром в церкви. Большинство слушателей – потомственные фермеры, а такие новости можно и ещё разок послушать, даже если ради этого придётся стоять на августовской жаре, вдыхая вонь плавящегося асфальта.

Боковым зрением я замечаю мужчину, который стоит на тротуаре, разглядывая моего отца и кружок его слушателей. На туристов я внимания не обращаю, а будь этот тип местным, он бы подошёл к нашим. На туристов лучше вообще не обращать внимания. На них посмотришь – и они тут же заводят беседы.

Гровтон – маленький городишко. Для того чтобы привлечь сюда туристов, мой отец убедил других членов городского совета называть все старые каменные здания, построенные в девятнадцатом веке, *историческими*, и придумал добавить выражение «торговый район». Четыре отеля, а затем и экскурсии на завод по производству бурбона – и вот уже люди готовы свернуть с трассы, чтобы проехать пятнадцать миль по извилистой просёлочной дороге. Само собой, в выходные у нас теперь не припаркуешься, зато туризм даёт работу куче народа, тем более когда с деньгами туго.

– О чём болтают в городе? – спрашивает мужчина.

Он заговорил сам, я на него даже не смотрел. Довольно наглый для туриста. Я скрещиваю руки на груди.

– О бейсболе.

– Шутишь!

Что-то в его голосе меня задевает.

Я оборачиваюсь и чувствую, как у меня глаза на лоб лезут. Не может быть.

– Вы Скотт Риск!

В нашем городке все знают, кто такой Скотт Риск. Его лицо в числе других избранных глядит на учеников со Стены славы средней школы округа Буллит. Шорт-стоп школьной команды, он дважды приводил её на чемпионаты штата. Сразу после окончания школы он попал в Главную лигу. Но наибольшее его достижение, подвиг, сделавший Скотта Риска королём нашего маленького городка, – это его одиннадцатилетняя игра в «Нью-Йорк Янкиз». Короче, Скотт Риск – это тот, на кого хотят быть похожими все парни Гровтона и я – тоже.

Скотт Риск одет в брюки цвета хаки и синюю рубашку поло, у него добродушная улыбка.

– А ты кто такой?

– Райан Стоун, – отвечает за меня отец, откуда ни возьмись появившийся рядом. – Это мой сын.

Кружок мужчин, стоящих перед парикмахерской, с любопытством наблюдает за нами. Скотт протягивает руку моему отцу.

– Скотт Риск.

Отец пожимает его руку, не в силах скрыть самодовольную улыбку.

– Эндрю Стоун.

– Эндрю Стоун, член городского совета?

– Да, – с гордостью отвечает отец. – Я слышал, вы снова вернулись к нам?

Неужели слышал? Мог бы и мне рассказать.

– В нашем городке всегда любили посплетничать.

Скотт по-прежнему держится дружелюбно, но теперь его беззаботный тон кажется слегка натянутым.

Отец смеётся.

– Некоторые вещи не меняются! Я слышал, вы собираетесь купить недвижимость поблизости?

– Уже купил, – отвечает Скотт. – Прошлой весной я приобрёл старую ферму Уолтера, но попросил риелтора не распространяться об этом, пока мы не переедем в дом, который построили в дальней части владения.

Брови у меня ползут вверх, у отца – тоже. Это же та ферма, что прямо рядом с нами! Отец подходит ближе и чуть наклоняет спину, так что теперь мы все трое оказываемся в тесном кругу.

– Мой участок в миле от вашего. Мы с Райаном – ваши страстные поклонники. (Неправда. Отец уважает Скотта за то, что тот уроженец Гровтона, но презирает всех, кто играл в «Янкиз».) За исключением того периода, когда вы играли против «Редз»¹⁶. Домашняя команда – это святое.

– Разумеется, – Скотт переводит глаза на мою бейсболку. – Ты играешь?

– Да, сэр.

Что я мог сказать человеку, которого я боготворил всю жизнь? Попросить у него автограф? Спросить, как ему удаётся оставаться спокойным во время игры, когда на кону стоит всё? Наверное, я смотрел на него как идиот, потому что не мог найти подходящих слов.

– Райан – питчер, – сообщает отец. – Вчера вечером его игру смотрел агент из Главной лиги. Он считает, что у Райана есть потенциал после школы попасть в Младшую лигу.

Добродушная улыбка Скотта становится более серьёзной, он внимательно смотрит на меня.

– Это впечатляет. Должно быть, твои мячи летят со скоростью больше восьмидесяти миль в час?

– Девяносто! – отвечает отец. – Райан трижды подряд бросил мячи, которые летели быстрее, чем девяносто миль в час!

Безумный огонёк вспыхивает в глазах Скотта, мы оба широко улыбаемся. Я узнаю этот блеск и прилив адреналина, сопровождающий его. Мы со Скоттом одной крови, у нас общая страсть: бейсбол.

– За девяносто? И агенты только сейчас обратили на тебя внимание?

Я поправляю кепку.

– Прошлой весной отец возил меня в тренировочный лагерь, но...

Отец перебивает меня:

– Они сказали, что Райану необходимо подкачаться и набрать вес.

– Это, пожалуй, верно, – говорит Скотт.

– Я хочу играть в бейсбол.

Я уже на двадцать фунтов тяжелее, чем был прошлой весной. Бегаю каждый день, поднимаю штангу по вечерам. Иногда ко мне присоединяется отец. Эта мечта у нас общая.

– Нет ничего невозможного, – Скотт смотрит поверх моего плеча, но каким-то отсутствующим взглядом, как будто вспоминает о чём-то. – Всё зависит от того, насколько сильно ты этого хочешь.

Я хочу играть в бейсбол. Больше всего на свете. Отец смотрит на часы, потом снова протягивает руку Скотту. Ему нужно успеть забрать новые свёрла до ужина.

– Приятно было лично познакомиться.

Скотт пожимает его руку.

¹⁶ «Красные» – неофициальное название бейсбольной команды «Бостон Ред Сокс» (англ. *Boston Red Sox*), базирующейся в Бостоне, штат Массачусетс. Противостояние «Янкиз» – «Ред Сокс» является самым длительным и острым в профессиональном спорте. Команды ведут соперничество уже более 100 лет.

– И мне тоже. Не возражаете, если я ненадолго задержу вашего сына? Со мной живёт племянница, завтра у неё первый день в средней школе округа Буллит. Я подумал, что ей будет легче освоиться на новом месте, если кто-нибудь покажет ей, что к чему. Если, конечно, ты не против, Райан.

– Почту за честь, сэр.

И даже больше. Об этом я не мог и мечтать.

Отец одаривает меня многозначительной улыбкой.

– Найдёшь меня, если надо.

Отец направляется к хозяйственному магазину; толпа у парикмахерской расступается перед ним, словно Красное море перед Моисеем.

Скотт поворачивается спиной к толпе, подходит ко мне и проводит ладонью по лицу.

– Элизабет... – он замолкает, положив руки на бёдра, и начинает снова. – Бет... немного резковата, но она хорошая девочка. Ей бы не помешало завести друзей.

Я киваю, как будто понимаю, хотя на самом деле нет. Что значит немного резковата? Но я киваю, потому что мне всё равно. Она – племянница Скотта Риска, и я позабочусь о том, чтобы она была счастлива.

Бет. У меня почему-то тревожно скребёт внутри. Почему это имя кажется мне знакомым?

– Я познакомлю её с ребятами. Пригляжу, чтобы она освоилась. Мой лучший друг, Крис, тоже в нашей команде. (Да, я буду стараться упоминать Криса и Логана в каждом разговоре со Скоттом Риском.) – У него потрясающая девушка, я уверен, что вашей племяннице она понравится.

– Спасибо. Ты даже не представляешь, как много это для меня значит.

Скотт заметно расслабляется, как будто сбросил с плеч стофунтовый мешок с зерном. Звякает колокольчик над дверью магазина одежды. Скотт кладёт руку мне на плечо и показывает на магазин.

– Райан, я хочу познакомить тебя с моей племянницей, Элизабет.

Она выходит из магазина и скрещивает руки на груди. Чёрные волосы. Кольцо в носу. Худая фигура с намёками на изгибы. Белая рубашка, застёгнутая только на четыре пуговицы между грудью и пупком, модные голубые джинсы и глаза, вытаращенные при виде меня. В животе у меня всё обрывается, как будто я проглотил кусок свинца.

У меня, наверное, в жизни не было дня хуже.

Бет

– Приятно познакомиться, – говорит наглый парень из «Тако Белл», как будто мы с ним видимся впервые. Может быть, он меня не помнит? Спортсмены редко бывают умными. Мышцы заменяют им мозги.

– Да ты смеёшься, блин.

Я в аду. Без вариантов. В этой худшей версии кошмарного городка из фильма «Избавление»¹⁷ ещё и жарко, как в преисподней. От жары в этой богом забытой дыре стоит удушливая дымка, которая обволакивает меня с головы до ног и сжимает лёгкие.

Скотт покашливает. Едва заметное напоминание о том, что слово «на хрен» больше не считается приемлемым для произнесения на людях.

– Я хочу познакомить тебя с Райаном Стоуном.

Когда-то давно различные варианты слова «хрен» были всего лишь прилагательными и наречиями в словаре Скотта. Теперь он разговаривает как богатый павлин, упакованный в деловой костюм. Ах да, он же такой и есть!

– Райан согласился завтра показать тебе школу.

– Только этого не хватало, – цежу я сквозь зубы. – Как будто мне и без того мало нагадили за последние двое суток.

Видимо, Господь решил, что ещё не пора прекратить издевательство. Ему показалось мало, что Скотт шантажом заставил меня поселиться здесь. Ему показалось мало, когда жена Скотта купила мне чудовищные, отстойные шмотки. Ему было мало, когда Скотт объявил, что определил меня в местную школу для деревенщин. Нет, всего этого ему показалось мало! Чёртова вишенка на этом торте стояла сейчас передо мной в виде этого напыщенного хлыща. Три, блин, ха-ха. Здорово повеселились.

– Шмотки мои верни.

– Что? – переспрашивает Скотт.

Ага, я могу выбесить его даже без мата.

– Вот он не одет как придурок, а я почему?

Я жестом указываю на свои дизайнерские джинсы и позорную накрахмаленную блузку ученицы католической школы. Подчиняясь требованию дядюшки Скотта вести себя вежливо с Эллисон, я вышла из примерочной, чтобы взглянуть на эту стыдобу в большое зеркало. Когда я вернулась, моя одежда исчезла. Ничего, сегодня ночью я разыщу ножницы и хлорку.

Скотт выражает своё неодобрение, слегка качая головой. Я обречена целый год прожить с этим болваном, не имея возможности даже видеть ту единственную, которую пытаюсь защитить, – мою мать! Часть моего сознания дрожит в панике. Как она там? Вдруг этот скот снова её избил? Беспокоится ли она обо мне?

– Тебе здесь понравится, – говорит «Тако Белл», то есть Райан.

– Да уж, непременно, – тоном даю понять, что это место понравится мне примерно так же, как выстрел в голову.

Скотт снова откашливается, а я спрашиваю себя, не боится ли он, что люди подумают, будто он больной.

– Отец Райана – владелец строительной компании и член городского совета.

Смысл сообщения: не смей всё испортить.

– Конечно.

¹⁷ «Избавление» (англ. *Deliverance*) – кинофильм режиссёра Джона Бурмена, вышедший в 1972 году. История четырёх городских мужчин, считающих себя отважными покорителями природы, которые во время путешествия по реке в штате Джорджия сталкиваются с агрессией местных жителей и совершают поступки, которые навсегда изменят их жизнь.

Конечно. История всей моей уродской жизни. Этот Райан – богатенький мальчик, у которого есть всё. Его папочка владеет городом. Его папочка владеет бизнесом. А мальчик Райан считает, что это даёт ему право делать всё, что он пожелает.

Райан дружелюбно мне улыбается, и это действует на меня гипнотически. Как будто он сотворил эту улыбку только для меня. Замечательная улыбка. Идеальная. Безмятежная. С ямочками на щеках. Она обещает дружбу, смех и счастье и помимо воли вызывает желание улыбнуться в ответ. Мои губы сами собой растягиваются, но я резко обрываю улыбку.

Зачем мне это делать? Таким, как он, не нужны такие девчонки, как я. Мы для них – всего лишь забава, игра. А эти парни играют по одним и тем же простым правилам: улыбнулись, заставили поверить, будто ты им нравишься, и, используя, немедленно бросили. Сколько их было, ничтожеств, с которыми я переспала только для того, чтобы горько пожалеть наутро? В прошлом году их было слишком много.

Но, слушая, как Райан с лёгкостью поддерживает со Скоттом разговор о бейсболе, я клянусь себе, что с меня хватит ничтожеств. Надо перестать чувствовать себя использованной. Довольно.

И на этот раз я не нарушу клятву, как бы мне ни было одиноко.

– Да, – говорит Райан, обращаясь к Скотту, как будто меня вообще здесь нет, – я думаю, в этом году у «Редз» есть шанс.

Боже, я ненавижу этого Райана. Стоит тут, весь такой безупречный, со своей безукоризненной жизнью, стройным телом и очаровательной улыбкой и притворяется, что впервые меня видит. Он поглядывает на меня краем глаза, и я вдруг понимаю, зачем он расточает своё обаяние. Райан хочет произвести впечатление на Скотта. Ну ладно. Тогда получи-ка и ты. С чего это я одна должна молчать?

– Он ко мне клеился.

Воцарившееся молчание разом убивает дурацкий разговор о бейсболе. Скотт протирает глаза.

– Ты только что с ним познакомилась.

– Не только что, а в пятницу вечером. Он клеился ко мне и при этом пялился на мою задницу.

Радость. Чистая радость. Ладно, не вполне чистая, зато первая, которую я ощутила с ночи пятницы. Райан сдёргивает с головы кепку, проводит рукой по взлохмаченным волосам песочного цвета, потом снова надевает бейсболку. Без неё он мне нравится больше.

– Это правда? – спрашивает Скотт.

– Д-да, – лепечет Райан. – Нет. То есть да. Я попросил у неё телефон, но она мне отказала. Клянусь, я вёл себя уважительно.

– Ты пялился на мою задницу. Всё время, – я поворачиваюсь задом и слегка наклоняюсь, чтобы наглядно проиллюстрировать свои слова. – Помнишь, у меня на штанах была дырка, как раз вот здесь? – я провожу пальцем по штанине сзади. – А потом ты купил мне тако и колу, после чего я сделала вывод, что увиденное тебе понравилось.

Я слышу приглушённые мужские голоса, смотрю на толпу мужчин, стоящих на тротуаре чуть в стороне от нас. Первая искренняя улыбка расплывается по моему лицу. Скотту понравится это представление. Может, если ещё поднажать, то я к ужину буду уже дома, в Луисвилле?

– Элизабет, – Скотт понижает голос до шипящего шепотка, характерного для обитателей трейлерного парка. – Встань как следует.

Красные пятна двадцати оттенков расцветают на щеках у Райана. Он даже не взглянул на мою задницу, он смотрит только на Скотта.

– Ладно... да, я предложил ей встретиться.

Скотт окидывает его цепким взглядом.

– Ты предложил ей встретиться?

Эй, ты! Чему тут удивляться? А что, собственно, такого? Что я, страшилище, что ли?

– Да, – отвечает Райан.

– То есть ты хотел пригласить её на свидание?

Опаньки. Скотт, кажется, на седьмом небе от счастья. Нет, чего-чего, а счастья его мне не надо.

– Да! – Райан вскидывает руки. – Я думал... я подумал...

– Что я такая доступная? – рывкаю я, а Скотт морщится.

– Что она забавная, – отвечает Райан.

Да уж конечно. Не сомневаюсь, что именно так он и подумал.

– По-моему, ты подумал, что будет забавно разок переспать со мной.

– Хватит! – рывкает Скотт.

Его прищуренные голубые глаза гневно смотрят на меня, а я поглубже засовываю руки в тугие карманы своих новых джинсов. Скотт наклоняет голову, трёт переносицу и только после этого снова возвращает на лицо свою фальшивую безмятежную улыбку.

– Я прошу прощения за поведение моей племянницы. У неё выдались тяжёлые выходные.

Я не желаю, чтобы он извинялся за меня перед кем бы то ни было! Тем более перед этим наглым кретином. Я открываю рот, но Скотт бросает мне взгляд парня из трейлера, и я поспешно затыкаюсь. Скотт тут же снова превращается в мистера Лицемера.

– Я пойму, если ты не захочешь помочь Элизабет освоиться в новой школе.

Лицо Райана принимает вежливое, но слегка невинное выражение.

– Не беспокойтесь, мистер Риск. Я с радостью помогу *Элизабет*.

Он поворачивается ко мне и улыбается. На этот раз улыбка у него не искренняя и не задушевная, а чертовски наглая. Ну-ну, валяй, спортсмен. Всё равно у тебя ничего не выйдет.

Райан

Стены нашей кухни раньше были бордового цвета. В детстве мы с Марком бежали домой от автобусной остановки, а когда врывались на кухню, нас встречал аромат свежей выпечки. Мама расспрашивала нас, как прошёл день, а мы макали горячее печенье в молоко. Когда папа приходил с работы, он первым делом сгребал маму в охапку и целовал. Мамин смех в папиных объятиях был столь же привычным, как наши с Марком постоянные подначки.

Не убирая руку с материнской талии, отец поворачивался к нам и спрашивал:

– Ну как мои мальчишки?

Как будто мы с Марком были единым целым, не существовавшими друг без друга.

После ремонта, который отец закончил на прошлой неделе, стены нашей кухни стали серыми. А после того, что мой брат сообщил этим летом, и папиной реакции на его слова самым громким звуком на нашей кухне стало звяканье вилок по тарелкам.

– Гвен приходила к тебе на игру, – говорит мама.

Она всего третий раз упоминает об этом за последние сутки.

Ну да, приходила. С Майком.

– Ну-ну.

Я засовываю в рот кусок тушёного мяса.

– Её мама сказала, что она всё ещё говорит о тебе.

Я прекращаю жевать и смотрю на маму. Она улыбается, довольная тем, что сумела вызвать отклик.

– Оставь парня в покое, – говорит отец. – Ему сейчас нельзя отвлекаться на девушек.

Мама поджмает губы, и мы проводим ещё пять минут под звяканье вилок и ножей. Это молчание жжёт... как лёд.

Наконец я откашливаюсь, не могу больше терпеть это напряжение.

– Папа рассказал тебе, что мы встретили Скотта Риска и его... *психованную* племянницу?

– Нет.

Мама нацеливается вилок на помидорку черри, катающуюся по её тарелке. Она протыкает красный шарик и впивается сердитым взглядом в отца.

– У него есть племянница?

Отец выдерживает её взгляд с невозможным безразличием и подкрепляет это глотком пива из бутылки.

– Я дала тебе бокал, – напоминает мама.

Отец ставит бутылку, покрытую ледяной испариной, рядом с этим самым бокалом, прямо на деревянную поверхность стола, мимо картонной подставки. Мама ёрзает на своём стуле, как ворона, взъерошивающая перья. Не хватает только злобного карканья.

В последние месяцы мы с отцом ужинали в гостиной перед телевизором. После ухода Марка мама перестала готовить.

Несколько недель назад мама с отцом стали посещать семейного консультанта, хотя мне они об этом до сих пор не сказали. Потребность во что бы то ни стало быть безупречными не позволяет им открыто признать такой позор, как необходимость обратиться за посторонней помощью для спасения своего брака. Поэтому я узнал об этом тем же порядком, как узнаю обо всём, что происходит в этом доме: подслушал, как они ночью ссорились в гостиной, когда я был в кровати.

Так вот, на прошлой неделе семейный консультант посоветовал им попробовать какие-нибудь объединяющие семейные ритуалы. Два дня мать с отцом спорили из-за того, что бы это могло быть, и в конце концов остановились на воскресном ужине.

Поэтому-то я и пригласил Марка. Мы не ужинали вместе с тех пор, как он ушёл, и если бы он приехал, то, может быть, мы все вчетвером смогли бы найти способ снова быть вместе.

Я спрашиваю себя, ощущают ли мама с папой ту же пустоту, что и я, когда смотрю на пустующий соседний стул. Марк обладал особым даром удерживать моих родителей от ссор. Если они злились друг на друга, он рассказывал какую-нибудь историю или шутил, чтобы растопить лёд. При Марке в моём доме никогда не было этой арктической стужи.

– Да, у него есть племянница, – говорю я в надежде сдвинуть разговор с мёртвой точки и отвлечься от пустоты, поселившейся во мне. – Её зовут Элизабет.

И она превратила мою жизнь в ад – впрочем, не слишком отличающийся от этого мучительного ужина.

Я отламываю кусок хлеба, намазываю его маслом. Бет опозорила меня перед Скоттом, из-за неё я проиграл пари. Я роняю хлеб. Пари! Идея появляется у меня в мозгу. Мы с Крисом никогда не ограничивали время спора, а значит, я всё ещё могу выиграть!

Мама расправляет на коленях салфетку и прерывает мои размышления.

– Будь с ней дружелюбен, Райан, но держи дистанцию. В прошлом у Рисков была определённая репутация.

Ножки папиного стула пронзительно скребут по новому полу, он издаёт неприятный горловой звук.

– Что? – резко спрашивает мама.

Отец расправляет плечи и весь сосредоточивается на говядине, оставив вопрос без ответа.

– Ты же хотел что-то сказать, – не унимается мать, – так говори!

Отец швыряет вилку на тарелку.

– Скотт Риск обладает ценными связями. Вот я и говорю: подружись с ней, Райан. Помоги ей освоиться. Если ты окажешь услугу Скотту, я уверен, он в долгу не останется.

– Ну конечно! – вскидывается мама. – Я советую ему одно, а ты – совершенно другое!

Отец её перекрикивает, и их одновременно повышающиеся голоса отзываются у меня в голове пульсирующей болью. Потеряв аппетит, я отодвигаюсь от стола. Это просто пытка – слышать, как необратимо разрушается моя семья. Клянусь, на всей земле нет более страшного звука.

Но вот звонит телефон. Мои родители мгновенно смолкают, мы все смотрим на кухонный шкафчик и видим имя Марка, высветившееся на дисплее телефона. Зыбкая смесь надежды и боли тянет в горле и желудке.

– Не берите трубку, – шипит отец.

Мама встаёт на втором звонке, и сердце начинает грохотать у меня в ушах. «Подойди, мам, возьми трубку! Пожалуйста».

– Мы можем с ним поговорить, – говорит мама, не сводя глаз с телефона. – Скажем ему, что он может вернуться домой, если будет держать это в тайне.

– Да, – говорю я в надежде, что один из них передумает. Может быть, на этот раз Марк не бросит меня, а решит остаться и бороться. – Надо ответить.

Телефон звонит в четвёртый раз.

– Не в мой дом, – всё это время отец свирепо смотрит в свою тарелку.

Срабатывает автоответчик. Мамин жизнерадостный голос сообщает, что сейчас нас нет дома, поэтому будьте любезны оставить сообщение. Раздаётся звуковой сигнал.

Ничего. Никакого сообщения. Никаких помех. Просто ничего. Моему брату не хватило смелости даже оставить мне сообщение.

Я не дурак. Если бы он хотел поговорить со мной, он бы позвонил мне на сотовый. Это была проверка. Я пригласил его на ужин, а он позвонил, чтобы узнать, хочет ли его видеть кто-нибудь, кроме меня. Судя по всему, мы не прошли испытание.

Мама сжимает жемчужное ожерелье, и надежда, вспыхнувшая во мне, угасает. Марк ушёл. Он бросил меня на этих руинах семьи одного.

Я вскакиваю, мама поворачивается ко мне.

– Куда ты?

– Домашку делать.

Пробковая доска над моим компьютерным столом дрожит, когда я с грохотом захлопываю за собой дверь. Широкими шагами прохожу через комнату, прижимаю ладони к голове. Надо делать домашку, а я примерно так же спокоен и безмятежен, как лодочка, попавшая в шторм. Что мне сейчас действительно надо, так это выплеснуть куда-нибудь свой гнев, тягать штангу, пока мышцы не начнут гореть огнём, бросать подачи, пока плечо не отвалится.

А я должен написать четыре чёртовы страницы по английскому на тему «Я хочу».

Стул, стоящий перед столом, откатывается назад, когда я плюхаюсь на него. Одно нажатие кнопки – и монитор оживает. Курсор насмешливо подмигивает мне с чистой страницы.

Четыре страницы. Одинарный интервал. Поля в один дюйм. Моя училка слишком много хочет. Вообще-то формально сейчас каникулы.

Пальцы стучат по клавиатуре: «Я играл в бейсбол с трёх лет».

Я прекращаю печатать. Бейсбол... – это то, о чём я должен написать. То, что я знаю. Но чувства внутри требуют выхода.

Отец и мать озвереют, если я напишу правду о том, как мы сейчас живём. Видимость – наше всё. Готов поспорить, они даже своему семейному консультанту не рассказали честно, из-за чего пришли.

Разобравшись, я немного успокаиваюсь. Я не смогу это сделать. Если кто-нибудь догадается, я пропал, но сейчас мне просто необходимо выплеснуть всё своё возмущение. Я стираю первую строчку и даю волю чувствам, рвущимся на свободу.

«Джордж проснулся со смутным воспоминанием о недавнем прошлом, но всего один взгляд влево принёс мучительное осознание того, во что превратилась его сегодняшняя жизнь. Точнее, во что превратился он сам...»

Бет

– А вдруг они меня помнят?

Понедельники – вообще полный отстой, тем более если это первый школьный день в американской глухомани. Я прислоняюсь к окну в кабинете школьного методиста и осматриваюсь. Обстановочка в стиле семидесятых годов прошлого века: панели из ДСП, столы и стулья, купленные на распродаже в «Волмарте». Стойкий запах плесени. Короче, деревенская школа во всей красе.

– В том-то и дело, Элизабет, – Скотт листает толстый буклет со школьным расписанием. – Твоя старая начальная школа в числе трёх других входит сюда. Ты многих ребят знаешь, сможешь восстановить старую дружбу. Как насчёт домоводства? Помнишь, мы с тобой пару раз пекли печенье?

– Бет. Меня зовут Бет. (Похоже, у бедняги проблемы с обучаемостью.) В последний раз, когда я что-то пекла, это были брауни, и я в них положила...

– Значит, домоводство вычёркиваем. Я предпочитаю имя Элизабет. Как звали твою лучшую подругу? Я ещё отвозил тебя к ней домой.

И мы играли в куклы. Снова и снова. Её мама разрешала нам брать настоящие чашки для кукольного чаепития. У них был настоящий дом с настоящими кроватями, и я обожала оставаться там на ужин. У них была горячая еда. Мне вдруг становится трудно глотать.

– Лейси.

– Точно. Лейси Харпер.

Дверь кабинета открывается, методист просовывает голову внутрь.

– Ещё пару минуточек, мистер Риск. Я разговариваю с иствикской средней школой. Скотт выдаёт свою рекламную улыбочку.

– Не торопитесь. Скажите, Лейси Харпер учится в этой школе?

Как будто в меня стрельнули. Сейчас. В эту самую секунду.

– Да, конечно.

Обхохочешься. Скотт смотрит на меня.

– Смотри, как здорово!

Я изображаю нарочитую радость.

– Зашибись.

Скотт то ли предпочитает оставить мой сарказм без внимания, то ли искренне верит в мой восторг.

– Мистер Дуайер, вы не могли бы записать Бет в один из классов вместе с Лейси?

Мистер Дуайер чуть не падает на пол в приступе восторга.

– Мы сделаем всё возможное!

Он бочком выходит из своего кабинета и закрывает дверь.

– Тебя что, битой по голове били?

Я просто не могу поверить, что Скотт всерьёз собирается заставить меня ходить в эту школу.

– Только когда мне было три, но от зари и до зари, – бормочет он, продолжая листать буклет.

От его ответа у меня колет в груди. Я старалась изо всех сил заблокировать этот период своего детства. Дедушка, его отец, избивал до полусмерти обоих своих сыновей: и Скотта, и моего отца. Но Скотт не позволял ему поднимать руку на меня.

– А что ты думаешь насчёт испанского?

Я почти улыбаюсь.

– Мой приятель Рико научил меня нескольким испанским словам. Если парень распускает руки, я могу сказать...

– Вычёркиваем.

Вот чёрт. Это могло быть забавно.

– Серьёзно, Скотт. Ты что, правда хочешь, чтобы я здесь училась? Ты хорошо всё обдумал? Твоя кошечка с обручальным кольцом...

– Эллисон. Её зовут Эллисон. Давай-ка скажем вместе: Эл-ли-сон. Видишь, совсем не трудно.

– Неважно. Ей нравится, что тебя все боготворят. Угадай, как долго продлится её счастье, если все вдруг вспомнят, что ты – шпана из трейлерного парка, который в паре миль от Гровтона?

Он перестаёт листать каталог. Его взгляд не отрывается от страницы, но я знаю, что он больше не читает.

– Я больше не тот парень. Людей интересует только то, кто я сейчас.

– Как ты думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем эти люди вспомнят меня и мою мать?

Я хочу сказать это злобно, угрожающе, но получается жалобно, и я ненавижу себя за это.

Скотт смотрит на меня, и я с отвращением читаю сочувствие в его глазах.

– Они вспомнят тебя такой же, какой помню я: красивой девочкой, которая любила жизнь.

Взбешённая тем, что он продолжает обсуждать ту жалкую маленькую дурочку, я отвожу глаза.

– Она умерла.

– Нет, не умерла, – Скотт делает паузу. – Что касается твоей матери, то она приехала сюда, когда перешла в десятый, и очень быстро вылетела из школы. Никто её не помнит.

На меня накатывает тошнота, я прижимаю руки к животу. Скотта не было, когда полицейские пришли в наш трейлер, его не было рядом, чтобы вытереть мои слёзы. Они обещали не предавать огласке события той ночи, но я не сомневаюсь, что кто-нибудь всё же проболтался.

– А что будет, когда кто-нибудь вспомнит моего отца? – спрашиваю я. – После этого тебя перестанут обожать. Ты совершаешь большую ошибку, Скотт. Отправь меня домой.

– Мистер Риск, – методист из захолустья снова просовывает голову в кабинет.

Тревожные морщины бороздят его чересчур высокий лоб, в его побелевших пальцах зажат факс. Я сказала ему, что в Иствике меня постоянно оставляли после уроков за плохое поведение.

– Могу я поговорить с вами?

Я наклоняю голову, прекрасно зная, что сейчас поставлю мистера Дуайера в неловкое положение.

– В какой же класс вы хотите меня записать? – я барабаню пальцем по подбородку. – Может быть, с углублённым изучением английского?

– Сядь, Элизабет, – Скотт отлично намайстрился отдавать приказания, не повышая голоса. – Да, мистер Дуайер, мы готовы обсудить расписание Бет.

Райан

Леди и джентльмены, держите за меня кулаки. Племянница Скотта Риска будет учиться в средней школе округа Буллит, и наш спор ещё не закончен. Я шагаю по запруженному коридору особенной, пружинистой походкой. Поражение – отвратительное слово. Но оно больше не про меня.

Моё настроение несколько ухудшается, когда я замечаю Криса, прижавшего Лейси к школьным шкафчикам. Его голова наклонена, её – чуть приподнята. Не лучший вариант, учитывая, что кабинет заместителя директора пустует, а сам он бродит где-то по школе. В прошлом году он прочёл нам лекцию о гормонах, плотских позовах и суровых последствиях, которые неизбежно наступят для тех, кто нарушит чужие телесные границы. В переводе на обычный язык: если вас застукают стоящим слишком близко к представителю противоположного пола, то оставят после уроков. А серия чемпионатов на первенство штата требует регулярных тренировок, а не отработок после уроков.

– Задние сиденья в машине никто не отменял, – я встаю сбоку от Лейси и Криса, чтобы загородить их от всевидящего ока замдиректора. – Пользоваться лучше за пределами кампуса.

Крис громко стонет, когда Лейси упирается ладонью в его грудь, и отстраняет на «приемлемое» расстояние. Она выпускает сердитый вздох.

– Доброе утро, Рай.

– Вали отсюда, – добавляет Крис.

– Замдиректора вышел на охоту, и в этом году мы не будем переносить тренировки из-за того, что ты будешь сидеть в школе после уроков. Хватит с нас прошлого года!

Крис выпускает вздох, неотличимый от вздоха Лейси.

– Тебе нужно срочно завести кого-нибудь.

– Вот именно! – всплёскивает руками Лейси. – Я уже давно это говорю! Только на этот раз – хорошую девушку. Хватит с нас исчадий ада! Мне надоело иметь при себе распятие. Я подумывала даже носить святую воду, но для этого нужно как-то пробраться в церковь и...

– Хватит, – обрываю я.

Гвен и Лейси всегда друг друга ненавидели, но Гвен была моей девушкой. И я не потерплю неуважительного отношения к ней.

Раздаётся первый предупредительный звонок, и мы все втроём направляемся на английский. В проходе между шкафчиками старшей и средней школ нас ждёт одинокий и скукающий Логан. Мы ходим вместе на все занятия, на какие только можно. Ради удовольствия. Ради товарищества. Ради того, чтобы Лейси и Логан помогали нам с Крисом с домашкой.

Поскольку Логан умнее Эйнштейна, а большинство учеников нашей школы тупее бревна, он ходит на уроки к старшекласникам. В будущем году школа уже не сможет обеспечить нашему гению программу его уровня, поэтому Логана, наверное, заткнут в самый дальний угол библиотеки и забудут о его существовании.

Я окидываю взглядом фойе, пытаюсь разыскать Бет.

– Кстати, что касается нашего незаконченного пятничного пари.

– Имеешь в виду то самое, позорно проигранное тобой?

Крис входит в кабинет английского и занимает наши привычные места у окна. Лейси остаётся в коридоре, чтобы потрепаться с девчонками.

– Нет, я имею в виду пари, которое я намерен выиграть.

Крис отвечает ослепительной недоверчивой улыбкой.

– Логан, ты слышишь, что он несёт?

Логан, сгорбившись, опускается на своё место.

– Ты проиграл, Райан. Вчистую.

– Да-а-а? – переспрашиваю я.

– Давненько я так не смеялся, – говорит Крис. – Нет, давайте вспомним, как это было. Рай такой: привет, меня зовут Райан, дай мне свой телефон.

Он протягивает руку Логану.

– Дай-ка подумать, – тянет Логан. – Эта девица так изысканно выражалась! Ах, да, мне кажется, она ответила: отвали, на хрен.

– Её зовут Бет.

– Мы забивались не на то, что ты узнаешь её имя, – Крис засовывает свою кепку в задний карман, полный решимости сберечь её от рук миссис Роув, которая в прошлом году отняла у него все бейсболки до единой. – Ты проиграл. Будь мужчиной, Рай. Подбери сопли. Или смиришься с тем, что мы будем и дальше над тобой потешаться. Меня устроят оба варианта.

– Мне нравится над ним потешаться, – вставляет Логан.

Я перегибаюсь через проход и понижаю голос, чтобы меня могли слышать только Крис и Логан. Я сознаю, что мне надо пролезть через игольное ушко, и понимаю, что чем дольше в школе будут пребывать в неведении относительно дяди Бет, тем выше мои шансы заполучить её телефон. Скотт – бог нашей школы, что автоматически делает Бет полубогиней.

– Её зовут Элизабет Риск, и она племянница Скотта Риска.

– Бет.

Книги с грохотом падают на мой стол, мы трое разом вздрагиваем и поднимаем глаза. Чёрные волосы, кольцо в носу и облегающая белая блузка, неосмотрительно расстёгнутая почти до того места, куда заглядываются парни. По крайней мере, я туда заглянул. Боже праведный, она хороша!

– Я буду говорить медленно и кратко, чтоб ты смог понять. Если ты ещё раз назовёшь меня Элизабет, я позабочусь о том, чтобы у тебя никогда не было детей. Расскажешь ещё кому-нибудь, чья я племянница – и до конца жизни будешь дышать через трубку в глотке.

Крис раздражается тем глубоким горловым смехом, который безошибочно сигнализирует о том, что дела совсем плохи.

– Приятно познакомиться. Райан как раз делился с нами тем, как он мечтает тебе позвонить. Правда, Рай?

Динь-динь, Крис даёт звонок второго раунда и грубо нарушает правила, вмешиваясь в ход игры. Однако он сыграл отлично, потому что на его месте я бы сделал то же самое, чёрт меня возьми!

– Я искал тебя утром, но секретарь сказал, что ты встречалась с мистером Дуайером.

Её голубые глаза впиваются в моё лицо, брови медленно ползут вверх. Молчание между нами становится мучительным. Крис ёрзает на стуле, Логан горбится ещё сильнее. Я хочу, чтобы её здесь не было, и в то же время она нужна мне, чтобы выиграть спор. Поэтому я думаю только о сохранении безмятежного выражения лица. Я не могу даже выдохнуть, чтобы Скейтерша не подумала, что взяла верх.

– Ну да, – наконец отвечает она. – Так я и думала. Чего ещё ждать от подхалима? Предлагаю сделку. Я тебя не замечаю, ты меня не замечаешь, а когда вечером дядя спросит, помогали ли ты мне сегодня, я захихикаю, как одна из тех жалких дурочек, которые стоят в коридоре, и расскажу сказочку о том, что такая зайка, как я, совсем пропала бы в этой огромной страшной школе, если бы со мной не было большого сильного Райана. Идёт?

– Ты умеешь хихикать? – спрашивает Логан.

Она злобно зыркает на него. Он пожимает плечами.

– Просто спросил. Ты не похожа на девушек, любящих хихикать, только и всего.

Проклятье, Логан тоже вступил в игру, а значит, он собирается поставить деньги на пари. Нужно срочно спасать положение.

– Это Крис и Логан. Они играют в бейсбол вместе со мной. У Криса есть девушка, я уверен, она тебе понравится. Если захочешь, можешь сесть с нами за обедом.

– Боже мой, да ты и в самом деле умственно отсталый!

Раздаётся звонок. Скейтерша направляется в противоположный конец класса и забивается там в угол. Что ж, всё прошло неплохо. Мои друзья сияют улыбками, из-за которых мне хочется их убить.

– Двадцать на то, что она выматерит тебя за обедом, – говорит Крис.

– Тридцать на то, что она убьёт тебя за обедом, – добавляет Логан.

– Я добуду её телефон.

Они заливаются хохотом, и руки мои каменеют при мысли о новом проигрыше. Я комкаю в кулаке тетрадную страницу.

– Неужели вы подумали, что я сдался?

– Тебе уже нечего ловить, – говорит Логан.

– Поглядим.

Краем глаза я вижу Бет. Сидит, низко опустив голову, так что длинные чёрные волосы скрывают её лицо, и что-то рисует в тетрадке, держа ручку в левой руке. Хм, она левша.

Крис качает головой.

– Прости, парень. Но появление Бет в нашей школе полностью меняет условия. Сам посуди: взять телефончик – это про девчонок, которых мы больше никогда в жизни не увидим. А теперь ты можешь окучивать её хоть до конца года! Если хочешь выиграть, то ставки повышаются – теперь ты должен добиться, чтобы она пошла с тобой на свидание.

– И это свидание должно быть в общественном месте и длиться не меньше часа, – вставляет Логан. – Чтобы всё было законно.

Ну нет. Если я облажаюсь, то могу здорово разозлить Скотта Риска... Но если у меня всё же получится, Скотт Риск будет есть у меня с руки. Вчера он чуть ли не умолял меня подружиться с этой ведьмой. Не говоря уже о том, что, откажись я сейчас, это будет означать, что я проиграл, а я не проигрываю.

– Отлично, – объявляю я. – Пари принимается.

Ну держись, Скейтерша. Игра началась.

Бет

Хочу курить; хорошо бы у кого-нибудь стрельнуть сигаретку. К сожалению, я не нашла никого подходящего за четыре часа, проведённых в подростковой версии «Исчезновения». Пока толпы учеников старших и средних классов устремляются на обед, я иду за двумя парнями с длинными волосами и в приспущенных джинсах. Надеюсь, что кто-то из них даст мне затынуться.

Они сворачивают за угол, я переживаю пару секунд. Если подойти до того, как ребята закурят, они сделают вид, будто просто так стоят. И я никак не смогу убедить их, что не собираюсь стучать.

Я их понимаю. Новенькая девчонка в белой блузочке на пуговках!

Я просчиталась и ждала слишком долго. Сворачиваю за угол, собираюсь посоветовать им расслабиться, но слова застревают у меня во рту. Парни исчезли.

За углом оказался короткий коридор с двустворчатыми дверьми, ведущими во двор. Я бросаюсь к окну и вижу, что оба моих парня, пригнувшись, бегут через парковку. С размаху стукаюсь лбом о дверь. Чёрт. Мне и в голову не пришло, что они прогульщики. В первый день! Сурово.

Раздаётся стук в дверь, и моё сердце едва не выпрыгивает из груди от страха, но при взгляде в окно оно тает, как масло. Это он. Я расслабляюсь с облегчением. Это в самом деле он. Я распахиваю дверь, и в ту самую секунду, когда тёплый солнечный луч падает мне на лицо, Исайя обнимает меня. Обычно я так не делаю: не прикасаюсь к нему так откровенно. Но сегодня мне всё равно. И даже больше – я всем телом прижимаюсь к нему.

– Всё хорошо.

Исайя целует мои волосы, гладит по голове, крепко обнимает. Он меня целует. Такие объятия должны меня насторожить, я должна его оттолкнуть. Мы так не делаем, когда не под кайфом. Но сегодня прикосновения Исайи лишь заставляют меня крепче прижиматься к нему.

– Как ты узнал? – лепечу я, уткнувшись в его грудь.

– Сообразил, что рано или поздно ты выберешься покурить. А здесь единственное место, где это можно сделать.

Его сердце бьётся сильно и размеренно. Несколько раз в поисках невесомости я заходила слишком далеко. Слишком много пила. Курила больше, чем нужно. Сближалась не с теми парнями. Я могла бы выйти за пределы невесомости, как воздушный шарик, которому перерезали ниточку, могла бы навсегда кануть в ужасающей пустоте. Но Исайя одним прикосновением умеет вернуть меня на землю. Его руки служат мне якорем, не позволяющим уплыть в никуда. Его мерно бьющееся сердце напоминает мне, что он никогда не подведёт.

Я нехотя отстраняюсь от него.

– Как ты узнал, что я буду в этой школе?

– Потом расскажу. Бежим, пока нас не поймали.

Он протягивает мне руку.

– Куда? – я подыгрываю ему, прекрасно зная, что он ответит. Но мне хочется помечтать, хоть минуточку.

– Куда хочешь. Ты как-то сказала, что хотела бы увидеть океан. Поехали к океану, Бет. Можем там жить.

Океан. Картина тут же оживает у меня перед глазами. Я в старых выцветших джинсах и майке без рукавов. Волосы развеваются на ветру. Исайя коротко стриженный и без майки, его татуировки отпугивают прогуливающих туристов. Я сижу босая на тёплом песке и смотрю на волны, а Исайя смотрит на меня. Исайя всегда смотрит на меня.

Я обнимаю себя руками, стискиваю в кулаке полу блузки, чтобы не схватиться за его протянутую руку.

– Я не могу.

Он не убирает руку, но мои слова заставляют его вздрогнуть.

– Но почему?

– Потому что, если я сбегу, если нарушу правила Скотта, он отправит маму в тюрьму.

Пальцы Исайи сами собой сжимаются в кулак, рука падает вдоль тела.

– Да пошёл он.

– А мама?

– И она тоже. Нет, правда, зачем вообще пошла к ней в пятницу? Ты же обещала мне держаться от неё подальше! Она тебя била.

– Нет, это был её ухажёр. Мама бы никогда меня не ударила.

– Она позволила тебе прикрывать её, а сама сидела и смотрела, как её долбаный урод лупцевал тебя как грушу. Твоя мама – сущий кошмар.

На парковке громко хлопает дверца автомобиля, и мы поспешно вжимаемся в дверные косяки.

– Нам нужно поговорить, Бет.

Я согласна. Нужно. Я киваю на сосновую рощу.

– Пойдём туда.

Исайя высовывает голову наружу, оглядывается по сторонам. Потом машет мне рукой. Мы не бежим. Мы идём в полной тишине. Как только мы заходим поглубже в рощу, я оборачиваюсь, ожидая вопросов, которые наверняка переполняют его.

– Ты меня обманула, – Исайя засовывает руки в карманы джинсов и смотрит на бурые сосновые иглы, ковром покрывающие землю. – Ты сказала мне, что никогда не видела своего отца.

Ладно, это не вопрос, а обвинение, которое я заслужила.

– Я знаю.

– Почему?

– Я не хотела говорить о своём отце.

Он продолжает смотреть на хвою под ногами. Несколько лет назад я сказала Исайе ту же ложь, которую рассказываю всем, кто интересуется моим отцом. Но Исайя был настолько растроган, что рассказал мне о том, о чём никогда не рассказывал никому: что его мать понятия не имеет о том, кто был его отцом. Неправда, которую я сказала Исайе, привязала его ко мне на всю жизнь. Когда я догадалась, что наши отношения основаны на его вере в то, что у нас обоих стоят огромные вопросительные знаки в графе «отцовство», было уже слишком поздно открывать правду.

– Понимаешь, – я ненавижу себя за отчаяние, которое слышу в собственном голосе, – люди любят сплетни, а если что-то не так, они начинают копать, а я хотела навсегда забыть этого ублюдка! Когда я сказала тебе, что не знала своего отца, я понятия не имела о том, что ты – тоже. Я и подумать не могла, что именно из-за этого мы станем друзьями.

При слове «друзья» он зажмуривается и сжимает зубы, как будто я сделала ему больно. Но ведь мы и правда друзья. Он мой лучший друг. Мой единственный друг.

– Исайя... – я должна сказать что-то важное, что-нибудь такое, что позволит ему понять, как много он для меня значит. – То, что произошло с моим отцом... – мне больно дышать, – когда я училась в третьем классе...

Да скажи же наконец!

Взгляд Исайи встречается с моим. Доброта исчезает из его серых глаз, они становятся дикими.

– Твой отец где-то рядом? – хищной походкой пантеры он делает несколько шагов в мою сторону. – Тебе что-то угрожает?

Я качаю головой.

– Нет. Он ушёл. Дядя Скотт и мой отец ненавидели друг друга. Скотт даже не знал, что отец ушёл.

– Твой дядя?

– Он та ещё скотина, но он никогда до меня не дотрагивался. Клянусь.

Исайя моргает, дикость исчезает, но его мышцы всё ещё бугрятся от гнева.

– Я доверял тебе.

Тремя простыми словами он выворачивает меня наизнанку.

– Я знаю, – теперь я могу быть с ним честной. – Я бы хотела уйти с тобой.

– Так иди.

– Она моя мама. Я думала, ты понимаешь.

Это удар ниже пояса. Я стою молча, не шевелясь, выжидая, когда он справится с собой.

– Я понимаю, – с усилием выдавливая он. – Но это не значит, что я согласен.

Хорошо. Он меня простил. Чувство вины продолжает глодать меня изнутри, я немного расслабляюсь.

– Красивая блузка, – говорит Исайя, а я улыбаюсь в ответ на его игривый тон.

– Да пошёл ты.

– Узнаю мою девочку! А то я гадал, не изменили ли они для начала твою сущность.

– Ты почти угадал. (Время летит стремительно. Я так много потеряла в жизни. Я не могу потерять его.) Что будем делать?

– Чего хочет от тебя твой дядя?

– Не убегать, не видеться с тобой и Ноем.

По словам Скотта, он хочет, чтобы я полностью забыла свою старую жизнь. Видите ли, единственная возможность для меня начать всё с чистого листа – это вырвать все старые страницы, а если я не готова ампутировать своё прошлое, Скотт сделает это за меня.

Исайя морщится.

– Ещё?

– Не прогуливать школу. Не хамить его жене, учителям и другим людям.

– Ну ты попала.

– Пошёл ты ещё раз.

– Я тебя тоже люблю, солнышко.

Пропускаю его слова мимо ушей.

– Хорошие отметки. Не курить. Не употреблять наркотики. Не пить. И... не общаться с мамой.

– Хм. С последним пунктом я полностью согласен. Может быть, на этот раз у тебя получится?

Я злобно зыркаю на него. Он показывает мне средний палец. Боже, он меня бесит!

– Не материться. Быть дома вовремя.

Он вскидывает голову.

– Он тебя выпускает?

– Наверное, с GPS-маячком, вживлённым в лоб. Я должна отчитываться перед ним за каждую секунду, проведённую вне дома. О чём ты думаешь?

– Я думаю о том, что ты сообразительная девочка, которая сумеет у самого дьявола получить пропуск на выход из ада. Короче, ты выходишь из дома, я за тобой приезжаю. В любой день. В любое время. И в целости доставляю обратно вовремя.

Меня наполняет надежда, но этого мне недостаточно. Мне нужно больше, чем Исайя. Мне нужно кое-что ещё. Я тереблю полы блузки.

– Ты отвезёшь меня повидаться с мамой?

Он вздыхает.

– Нет. Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Он её убьёт.

– Ну и ладно. Она сама это выбрала.

Я отшатываюсь, как будто он меня ударил.

– Как ты можешь так говорить?

Его взгляд снова становится гневным.

– Как? Несколько месяцев тому назад она позволила тебе истекать кровью у неё на глазах.

Как она могла вернуться к этому ублюдку? Как она могла позволить тебе взять на себя её вину? Так что не надо давить на жалость, ладно? Не морочь мне голову. Ты поняла?

Я киваю, чтобы успокоить его, но знаю, что найду другой способ. Исайя прав. Я смогу обмануть Скотта, оставить при себе Исайю и найти возможность позаботиться о маме.

Он вытаскивает что-то из заднего кармана и суёт мне. Это новенький блестящий мобильник серого цвета.

– Мы видели, как Скотт выбросил твой мобильник в урну, поэтому я купил тебе новый и включил тебя в свой тарифный план.

Я улыбаюсь.

– У тебя есть план?

– У нас с Ноем есть план, и мы подключили к нему тебя. Так дешевле.

– Как это... (Ясное дело, без Эхо тут не обошлось.) по-взрослому.

– Ага. Это в основном Ной.

– Но как ты узнал, что я здесь? В Гровтоне? В этой школе?

Исайя смотрит на деревья.

– Это всё Эхо. В участке она подседа поближе к твоему дяде и подслушала, о чём они говорили с твоей матерью. Потом Эхо уговорила Ширли рассказать нам остальное. Скотт посвятил Ширли в свои планы.

– Круто, – бурчу я. – Теперь я в долгу у этой чокнутой стервы.

Ещё не договорив, я уже чувствую укол раскаяния. Эхо не совсем чокнутая, но мы с ней в контрах. Она милая, она красивая, она делает Ноя счастливым, но она принесла с собой перемены... слишком большие перемены... С какой стати мне это должно нравиться?

Исайя переминается с ноги на ногу. Это не к добру.

– Что ещё, Исайя?

– Эхо продала картину.

Я приподнимаю брови.

– И?

Эхо продаёт свои картины с прошлой весны.

Он снова лезет в задний карман и вытаскивает пачку денег. Ого! Не пойти ли и мне в художники?

– Это была одна из её любимых картин. Одна из тех, которые она нарисовала для своего брата незадолго до его смерти. Ной страшно разозлился, когда узнал.

Исайя протягивает мне деньги:

– Это тебе.

Я взрываюсь:

– Да пошла она со своей благотворительностью!

Эхо сделала это не для меня! Она это сделала для Ноя и Исайи, но больше всего для того, чтобы я оказалась у неё в долгу, ведь она знает, что гордость – это то небольшое, чем я дорожу и никогда не поступлюсь.

Исайя подходит ближе и засовывает деньги мне в задний карман прежде, чем я успеваю отстраниться.

– Возьми. Я должен знать, что у тебя есть деньги на крайний случай. С меня причитается.

Пачка денег тяжело оттягивает карман. Как бы сильно я ни хотела, чтобы этот год поскорее закончился, нельзя забывать о том, что жизнь – сплошное дерьмо. И лучше быть к этому готовой.

Раздаётся звонок, предупреждающий об окончании обеденного перерыва.

– Мне пора.

Когда я прохожу мимо Исайи, он берёт меня под руку.

– Ещё кое-что, – его глаза темнеют в тени. – Звони мне. В любое время. Клянусь, я всегда отвечу.

– Знаю.

Не сразу я решаюсь произнести нужные слова, но Исайя – мой лучший друг, и он заслуживает, чтобы я это сказала.

– Спасибо тебе.

– Не за что.

Исайя отпускает меня, а я возвращаюсь в школу, поглаживая пальцами руку, всё ещё горящую от его прикосновения. Он мой друг... мой единственный друг.

Я берусь за ручку двери, через которую выходила, и у меня обрывается сердце. Дверь заперта. Блин! Я нарушила главное правило прогульщиков: заранее подумать, как будешь возвращаться. Дёргаю ручку. Ничего. Кручу ручку другой двери. То же самое. Страх появляется под ложечкой, и в ту же секунду меня охватывает жуткая паника. Я не могу вернуться обратно, значит, на следующем уроке меня отметят как отсутствующую. Когда Скотт об этом узнает, его хватит удар.

Обеими руками снова вцепляюсь в проклятую ручку.

– Ну же!

Дёргаю. Дверь открывается. Из щели высовывается рука, хватая меня за локоть и втаскивает внутрь.

Я вскидываю глаза на своего спасителя и мгновенно таю, поймав взгляд сказочно прекрасных карих глаз. Но обладатель этих глаз всё портит, открыв рот.

– Не уверен, что твой дядя, когда просил помочь тебе освоиться, видел это таким образом.

– Блин, ну что за жизнь! – цежу я.

Это Райан. Ненавижу этот мерзкий городишко.

Райан

Скейтершу сейчас разорвёт. Она выдёргивает свою руку из моей и злобно сверлит меня немигающими голубыми глазами.

– Я не хочу, чтобы ты мне помогал!

Вкус победы упоителен. Божественен. Он заводит меня сильнее всего на свете. Напряжение и тревога, мучившие меня в последнее время, исчезли словно по волшебству. Победа расслабляет мои мышцы, заставляет поднять голову выше и даже, провалиться мне на этом месте, вызывает улыбку.

– Верю, но сейчас тебе без этого не обойтись.

Раздаётся второй звонок, и Бет бьёт меня кулаком по руке, срываясь с места. Ставлю двадцать баксов на то, что она решила, будто опоздала на урок.

– Это только второй звонок.

Она останавливается, её спина застывает.

– А сколько их всего?

– После обеда? – я как бы невзначай подхожу к ней. Всё складывается до того классно, что даже не верится. – Три. Первый – обед закончен. Через две минуты – второй, предупредительный. А потом – третий, для опаздывающих.

Она плавно выдыхает, напряжённые скулы расслабляются. Девочка – конечно, чистый секс, но настоящая оторва. Если бы не спор, я бы поставил флажок «держаться подальше» и забыл.

– Какой у тебя следующий урок?

– Пошёл к чёрту.

Бет бросается бегом по коридору, я неторопливо следую за ней.

Дверцы шкафчиков распахиваются и с грохотом захлопываются. В коридоре стоит гул голосов. Но все замирают, уставившись на шествующую Бет. «Шествует» – в данном случае самое подходящее слово. Бет высоко держит голову и идёт ровно посередине коридора. В прошлом году к нам перевелось всего несколько учеников, и первые несколько недель они все старались не отсвечивать. Но Бет не из таких. Плавное покачивание её бёдер приковывает взгляды всех парней, включая меня.

Бет смотрит на номера кабинетов: ищет класс, где у неё будет пятый урок. Я прибавляю шаг и нагоняю её как раз в тот момент, когда она извлекает из заднего кармана изрядно смятое расписание. Её палец ползёт вниз и останавливается на строчке «Здоровье и физическое воспитание».

Мои шансы на победу многократно возрастают. Потому что у меня сейчас то же самое.

– Я могу показать тебе, где это.

– Ты меня преследуешь? Тогда ты скоро получишь.

– От кого же? От того парня, с которым ты обжималась в роще?

Вряд ли человек такого статуса, как Скотт Риск, позволит своей племяннице встречаться с татуированным, скорее, можно предположить, что именно из-за него Бет перевели в нашу школу. Что ж, мужчина, проявляющий заботу о своей семье, заслуживает всяческого уважения.

– Не хочу тебя огорчать, но я могу за себя постоять.

Бет искоса бросает на меня убийственный взгляд.

– Ещё раз посмеешь угрожать Исайе, и я сама тебя отделаю.

Я фыркаю, представив, как эта черноволосая крошка молотит меня кулачками. Кролик, кусающий льва. Она поджимает губы, из чего я заключаю, что мой смех её взбесил. Ладно, хватит ерунды.

– Я просто пытаюсь помочь.

– Помочь? О, да, я вижу, что ты лезешь из кожи вон, чтобы помочь *себе*. Ты же по моему дяде сохнешь.

Чувствую, как у меня дёргается уголок глаза. Иногда кролики бывают разносчиками бешенства, а Скотт не зря предупреждал меня о том, что его племянница бывает резковата. Он только забыл уточнить, что язык у неё острее бритвы. Я открываю рот, чтобы спросить, в чём дело, но тут Лейси ловко вклинивается между нами. При этом она бросает на меня многозначительный взгляд. Спасибо, я оценил.

– Пошли, чувак, – Крис приподнимает бровь, и я понимаю, что он подослал Лейси помешать нам, вообразив, будто я близок к успеху. – Пора на урок.

– Да.

Урок. Я должен выиграть спор, но если я сорвусь, ничего не выйдет. Я иду следом за Крисом, радуясь возможности сбежать от Бет.

Бет

Как только Райан поворачивается ко мне спиной, я прислоняюсь к лиловому шкафчику. В нос бьёт едкий запах свежей краски. Блин, чёртов шкафчик только что покрасили, и теперь у меня вся задница лиловая.

Целый коридор незнакомых ребят пялится на меня, как на обезьяну в зоопарке. Я сглаживаю, когда две девчонки хихикают, проходя мимо. При этом они обе поворачивают головы, чтобы получше разглядеть новое школьное посмешище.

Люди любят посплетничать. Сейчас они сплетничают обо мне.

– Ты раньше была блондинкой, – говорит Лейси.

Какое дело жителям этого городка до моих волос? Я едва узнала эту девчонку, которую когда-то называла подругой. Мы с ней состыковались на уроке английского, одновременно пытаясь сообразить, не принимаем ли друг друга за кого-то другого. Волосы у Лейси такие же каштановые, как в детстве. И такие же длинные, только не такие кудрявые. Зато очень густые. Она кивает Крису, другу Райана, давая понять, чтобы тот шёл в класс, и тот слушается.

– Ты и раньше тусовалась с крутыми ребятами, – говорю я.

Правый уголок её губ слегка приподнимается.

– Раньше я тусовалась с тобой.

– Я это и имела в виду.

Раздаётся звонок, и немногие запоздавшие ученики сломя голову несутся в класс. Сегодня мне особенно везёт: этот урок у нас с Райаном снова общий. Я отлипаю от стены, проверяю свою задницу и совсем теряюсь, когда Лейси тоже идёт со мной.

Стайки учеников разбегаются, как тараканы при включённом свете. Райан и несколько других парней развалились за столами возле дальней стены: ни дать ни взять подарок Бога всем женщинам. Дорогие джинсы и футболки с логотипами любимых команд яснее ясного говорят о том, что перед нами безнадёжно упёртые спортсмены. Я отдаю справку о своём зачислении учителю, погружённому в беседу с двумя другими качками. Они обсуждают бейсбол, футбол и баскетбол. Бла-бла-бла. Наверное, кидать мячик – это специфически мужская тема для разговора.

Лейси садится за пустой стол и ногой выдвигает стул для меня.

– Райан сказал, что ты предпочитаешь имя Бет.

Я плюхаюсь на стул и бросаю взгляд на Райана. Он быстро отводит глаза. Так он, оказывается, смотрел на меня? «А ну-ка хватит». Нечего выдумывать. «Разумеется, он на тебя смотрел! Чего ещё ты ждала? Ты же новый школьный уродец, не забыла?»

– Что ещё рассказал тебе Райан?

– Всё. О том, как встретил тебя в пятницу вечером. О том, как снова увидел в субботу вместе со Скоттом.

Вот дрянь.

– Значит, об этом знает уже вся школа.

– Нет, – задумчиво отвечает она.

Лейси смотрит на меня, и я кожей чувствую, что она пытается разглядеть ту жалкую девчонку, которой я была когда-то давно.

– Он рассказал только мне, Крису и Логану. Вон тот темноволосый парень, что сидит рядом с Райаном, – этой мой бойфренд, Крис.

– Тогда извини.

– Не за что. Так ему и надо, – она замолкает, думает. – В целом.

Четыре урока подряд никто не обращал на меня внимания. Я по мере сил способствовала этому, забиваясь в самый дальний угол каждого класса и испепеляя взглядом всякого,

кто осмеливался взглянуть на меня. Лейси барабанит пальцами по столу. Две тонкие чёрные резинки для волос обвивают её запястья. Она одета в джинсы с низкой талией и зелёную винтажную футболку с бледным изображением четырёхлистного клевера.

– И многим ты рассказала? – спрашиваю я.

Дробь пальцев смолкает.

– О чём?

Я понижаю голос и принимаюсь соскребать с ногтей остатки чёрного лака.

– О том, кто я такая и почему уехала отсюда.

Я закидываю удочку. Несмотря на листок о зачислении, до сих пор никто не назвал меня по имени и не упомянул моего дядю. Похоже, сегодня я останусь анонимной, но сколько это может продолжаться? Я пытаюсь прощупать, о чём болтают в городе. Отец Лейси был офицером полиции, именно он первым вошёл в наш трейлер в ту ночь.

– Никому, – отвечает она. – Если захочешь, сама расскажешь всем о своём дяде. Всё это мерзость, конечно. До ежегодного первенства всем здесь было трижды плевать на Скотта. Теперь они поклоняются ему, как живому богу!

Стайка девочек заливается хохотом. На столах перед этими идеально ухоженными красотками лежат одинаковые сумочки. Нет, они, конечно, отличаются по цвету и размеру, но все одного стиля. Блондинка, смеющаяся громче всех, перехватывает мой взгляд, и я поспешно перекидываю волосы через плечо, отгораживаясь от неё как щитом. Я её узнала, но не хочу, чтобы она меня вспомнила.

– Гвен на тебя смотрит, – говорит Лейси. – Конечно, колёсико для хомячка, которое у неё вместо мозгов, не за один день провернётся, но рано или поздно она сообразит, кто ты такая.

Я бы по достоинству оценила эту шутку, не будь мои мысли заняты чёртовой блондой. Гвен Гарднер. Летом, перед тем как я пошла в подготовительный класс, мама Лейси предложила нам со Скоттом посещать библейскую школу вместе с Лейси. Я надела своё любимое платье (одно из двух, которые у меня были), натыкала в волосы столько бантиков, сколько уместилось, и вприпрыжку вбежала в класс. Когда я назвала своё имя, меня обступила стайка девочек в роскошных пышных платьицах. Под аккомпанемент их смешков и перешёптываний Гвен перечислила все дырки и пятна на моём праздничном наряде.

Это была вершина наших отношений с Гвен Гарднер. Дальше всё пошло вниз.

– Она всё такая же стерва? – спрашиваю я.

– Хуже, – Лейси понижает голос, – потому что все считают её святой.

– Представляю, что было в третьем классе!

Лейси фыркает.

– Ты лучше представь, каково было просуществовать рядом с ней всю среднюю школу и эпоху первых лифчиков! Честное слово, наша Гвен отрастила себе третий размер примерно между пятым и шестым классами. Слава богу, прошлой весной Райан наконец-то порвал с ней. Честное слово, я больше уже не могла её выносить!

Ну разумеется, Райан встречался с Гвен. Уверена, этот разрыв продлится недолго, скоро они пожениятся и наплодят кучу маленьких безупречных исчадий ада, чтобы было кому терзать грядущие поколения таких, как я.

Меж нами повисает тяжёлое молчание. Разговаривать с Лейси немного странно. Когда-то мы с ней были вдвоём против всего мира. Потом я уехала. Выходит, без меня она стала одной из этих успешных безупречных девочек. Что ж, у Лейси были все возможности стать такой. Её родители богаты. Мама может купить ей любые шмотки. Лейси всегда была хорошенькой и забавной. Только по какой-то злой иронии судьбы она ненадолго связалась со мной, девочкой из трейлерного парка, у которой было всего два платья.

Я соскребаю последние остатки лака. Вчера Эллисон купила мне лак для ногтей мерзейшего розовато-лилового оттенка. Я – и розовое?!

– Что тебе рассказал отец?

Лейси часто-часто барабанит мизинцем по столу.

– Что его вызвали к вам домой, а потом ты переехала в другой город.

Я удивлённо вскидываю голову и заглядываю в её честные карие глаза.

– И всё?

– Все считают, что Скотт тоже был там и увёз тебя, чтобы спасти. Мой папа и другие люди, которые были там той ночью, никогда не говорили, что это не так, – Лейси щёлкает костяшками пальцев. – Но ведь так всё и было, правда? Ты всё это время жила со Скоттом?

Я скребу пальцем щёку, пытаюсь скрыть от неё свою реакцию. Я могу солгать и ответить ей «да», но это будет выглядеть так, будто я стыжусь своей мамы. А я не стыжусь! Я люблю её. Я перед ней в долгу. Хотя иногда...

– Я проплакала три месяца после того, как ты уехала, – продолжает Лейси. – Ты была моей лучшей подругой.

Я тоже плакала. Очень долго. Из-за своего характера и своих идиотских поступков я разрушила мамину жизнь и сама осталась без лучшей подруги. Вот такая я и есть – ураган, оставляющий за собой лишь руины.

– Слушай, Лейси, лучше пойдёшь пересядь к своим подругам. Со мной тебе ничего хорошего не светит.

– В этом классе у меня нет друзей, кроме тех двух парней, что сидят сзади, – Лейси снова принимается барабанить пальцами, – и тебя.

Я приподнимаю бровь.

– Если это так, то фигово тебе.

Она смеётся.

– Вовсе нет. Отлично.

Учитель требует, чтобы класс успокоился, и я слегка отодвигаюсь от Лейси. Грудь мою сдавливают как тисками. Нормальные люди меня сторонятся. Они не хотят со мной дружить, а эта... так легко предлагает мне дружбу.

Учитель начинает переключку, а когда доходит до имени Райана, тот отвечает глубоким, мягким голосом:

– Здесь.

Улучив момент, я бросаю взгляд в его сторону и обнаруживаю, что он снова смотрит на меня. Без улыбки. Без гнева. Без насмешки. Просто задумчивый взгляд, в котором проглядывает растерянность. Вот он поднимает руку, чтобы почесать затылок, и я невольно люблюсь его бицепсами. Мой живот предательски сладко трепещет. Пусть этот парень и кретин, но он сложен как бог.

Но таким, как он, не нужны такие, как я. Только поиграться.

Я с усилием перевожу глаза на учителя, подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками. Лейси бесцеремонно суётся ко мне и шепчет мне на ухо:

– Я рада, что ты вернулась, Бет.

Лучик надежды пробегает по стенам моего убежища, но я решительно затыкаю все щели. Эмоции – зло. Самое страшное – это люди, которые могут вызвать во мне чувства. Я спокойна только за каменными стенами, которые выстроила внутри. Раз я бесчувственная, то мне и не больно.

Райан

В ожидании начала воскресного обеда, я подмечаю много интересного со своего места на диване в гостиной мэра. Например, серьёзная складка отцовского рта и то, как он наклоняется к мистеру Крейну, свидетельствуют о том, что папа говорит о делах. О серьёзных делах. Мама, напротив, смеётся и улыбается, стоя рядом с женой мэра и женой пастора, но по тому, как она тербит свой жемчуг, я понимаю, что она волнуется. Значит, кто-то спросил о Марке.

Мама скучает по нему. Как и я.

Кстати, о таланте наблюдения. Он необходим для игры в бейсбол. Собирается ли раннер украсть следующую базу? Собирается ли баттер выбить мяч за пределы поля или же задумал пожертвовать очком, чтобы наверстать своё, добежав до третьей базы? Правда ли Скейтерша – та неприступная злючка, за которую я её принимаю?

На протяжении двух последних недель я неотступно наблюдаю за тем, как Бет ведёт себя в школе. Она любопытная. Совершенно не похожа на девушек, которых я знаю. В кафетерии сидит одна и съедает весь обед. Не салатик. Не яблочко. Целый обед. То есть первое, второе и десерт. Даже Лейси на такое не способна.

Бет сидит сзади на всех уроках, кроме занятий спортом, где Лейси раз за разом терпеливо заводит с ней разговор, больше похожий на монолог. Иногда Лейси удаётся вызвать у Бет подобие улыбки, но это случается очень редко. Хотя мне нравится, как она улыбается.

Не то чтобы мне не всё равно, счастлива она или нет.

Но самое интересное – что наша мисс Социопатка даже не думает избегать людей. Хотя в школе полно ребят, которые умеют быть незаметными у всех на виду. Они шмыгают в библиотеку перед началом занятий или во время обеда. Они в глаза посмотреть боятся и постоянно держатся в тени, как будто можно каждый день ходить в школу и оставаться невидимками. Но Бет не такая. Она своего не уступит. Никого не подпускает к себе и с вызывающей улыбкой смотрит на того, кто позволяет себе подойти слишком близко. Этой улыбкой она меня заводит.

– Готов к завтрашнему тесту?

Миссис Роув, моя учительница английского, присаживается на подлокотник дивана. По совместительству она также дочь мэра. Все остальные гости одеты в костюмы или строгие платья, а миссис Роув щеголяет в легкомысленном платьице в стиле хиппи с рисунком из ромашек. Сегодня волосы у неё фиолетовые.

Помня о скандалах из-за Марка в нашей семье, я часто гадаю, какие страсти бушуют за закрытыми дверями этого дома. Впрочем, возможно, они сумели ужиться мирно.

– Да, мадам.

Чтобы отбить у неё охоту продолжать непринуждённый разговор, я засовываю в рот ролл из креветки с беконом.

Отец хочет, чтобы я присутствовал на этих еженедельных воскресных сборищах. Моё присутствие бывает весьма кстати, когда разговор заходит о спорте. Я был ещё полезнее, когда встречался с Гвен. Её отец – начальник полиции, а подруги моей матери дружно считали, что мы с Гвен – «прекрасная пара».

– В твоём возрасте я ненавидела такие посиделки, – продолжает миссис Роув.

Я сую в рот вторую креветку и киваю. Если она не врёт насчёт ненависти, то, наверное, не забыла, какие мучения причиняют все эти бесконечные разговоры ни о чём.

– Но папа заставлял меня присутствовать на каждом ужине, который он устраивал.

Я глотаю и вдруг понимаю, что за все четыре года, прошедшие с тех пор, как я дорос до чести представлять свою семью на общественных мероприятиях, я ни разу не видел на них миссис Роув. Я даже подумываю спросить, почему она изменила своему правилу сегодня, но вспоминаю, что мне нет до этого дела. Забрасываю в рот тефтельку.

– Я прочитала твою работу, – говорит она.

Я пожимаю плечами. Читать мои работы – это её работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.